

КАСНА 1500

Подъ редакціей Э. А. Верцинскаго.

Во подарокъ милому другу

15-6-1936₂

О. Мейергольцъ

ПАМЯТНЫЕ ДНИ.

Таллиннъ-Ревель
1932.

Подъ редакціей Э. А. Верцинскаго.

Памятные дни.

Таллиннъ-Ревель
1932.

Trükikoda
"ERK"
Tallinn,
S. Juhkentali t.
Nr. 2.

Послѣдніе дни Государевой Семьи въ Царскомъ Селѣ.

Записано со словъ дежурнаго по карауламъ Царско-сельскаго гарнизона въ 1917 году, полковника лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка
Владиміра Николаевича Матвѣева.

Много разъ мнѣ хотѣлось записать мою послѣднюю встрѣчу съ Царской Семьей, но каждый разъ охватывалъ жгучій стыдъ за себя, за всѣхъ насъ, не сѹмѣвшихъ или не хотѣвшихъ сдѣлать ничего для спасенія Царскихъ Узниковъ.

Въ концѣ 1916 года я заболѣлъ на фронтѣ воспаленіемъ легкихъ, послѣ чего былъ эвакуированъ въ Петроградъ, а затѣмъ командированъ для поправленія здоровья въ „Здравницу Ея Величества“ въ Массандру. Вернувшись изъ Массандры, я, въ февралѣ 1917 года, незадолго до революціи, явился въ запасный баталіонъ полка, стоявшій въ Царскомъ Селѣ, гдѣ былъ назначенъ командиромъ 2-ой запасной роты. Фактически въ командованіе ротой до революціи не вступалъ.

Запасный баталіонъ полка состоялъ изъ четырехъ ротъ и разнаго рода командъ. Каждая запасная рота имѣла четыре литерныя роты „А“, „Б“, „В“ и „Г“, разныя по времени обученія и подготовки, для отправки на фронтъ. Каждая литерная рота имѣла около 250 стрѣл-

ковъ, численность запасной роты баталіона составляла около 1000 нижнихъ чиновъ, а общая численность запаснаго баталіона со всѣми командами и нестроевыми доходила до восьми тысячъ.

На это громадное число солдатъ приходилось совершенно недостаточное число офицеровъ, да и то большею частью прикомандированныхъ къ баталіону прапорщиковъ, не имѣвшихъ ни служебнаго опыта, ни авторитета, не носившихъ полковаго мундира и за кратковременностью не успѣвшихъ проникнуться полковыми традиціями. Кадровые офицеры въ большинствѣ находились на фронтѣ, а изъ ограниченнаго числа ихъ, бывшихъ къ началу революціи въ запасномъ баталіонѣ, многіе были вынуждены послѣ революціи уйти.

Въ первые же дни революціи былъ объявленъ извѣстный приказъ № 1 совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Два пункта въ немъ особенно развращающе повліяли на дисциплину и службу запасныхъ баталіоновъ Петрограда и его окрестностей:

1) Право безсмѣннаго оставленія ихъ въ мѣстахъ своего расквартированія для охраны достижений революціи, а слѣдовательно невозможность отправления запасныхъ баталіоновъ на фронтъ.

2) Право выборнаго начала команднаго состава, чѣмъ запасные баталіоны немедленно воспользовались для удаленія болѣе твердыхъ и способныхъ на сопротивленіе, а потому неудобныхъ старшихъ кадровыхъ офицеровъ.

Такъ, въ запасномъ баталіонѣ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка въ самомъ началѣ революціи были забаллотированы командиръ баталіона полковникъ Алексѣевъ и капитанъ Тавастшерна. Подъ угрозой на-

силій капитаны Агаповъ и Круглевскій должны были покинуть баталіонъ. Вступившій въ командованіе баталіономъ капитанъ Артабалевскій за излишне уважительное отношеніе къ Государю Императору на Пасхѣ былъ революціоннымъ комитетомъ баталіона забаллотированъ и отчисленъ.

Главными проводниками революціонныхъ идей и углубленія революціи въ баталіонѣ оказались адъютантъ баталіона, прапорщикъ запаса Судзиловскій, бывшій до революціи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ одного изъ министерствъ, прапорщикъ — командиръ нестроевой роты и нѣсколько другихъ революціонно настроенныхъ прапорщиковъ и стрѣлковъ.

Подъ напоромъ систематической пропаганды все вскорѣ стало въ запасномъ баталіонѣ новымъ, случайнымъ, чужимъ и баталіонъ совершенно утерять связь съ одноименнымъ полкомъ на фронтѣ.

Такъ какъ я только что прибылъ въ запасный баталіонъ, гдѣ меня кромѣ нѣкоторыхъ подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ, прибывшихъ съ фронта, почти никто не зналъ, то и былъ утвержденъ въ должности командира 2-ой запасной роты.

Въ одинъ изъ первыхъ дней революціи я былъ назначенъ дежурнымъ по карауламъ въ Царскомъ Селѣ. Во время этого дежурства приводили много арестованныхъ, среди которыхъ были мои хорошіе знакомые. Помню съ какимъ отвращеніемъ приходилось относиться къ своимъ обязанностямъ, чувствуя себя какимъ-то невольнымъ тюремщикомъ. Въ это дежурство карауль въ Александровскомъ дворцѣ меня не касался, такъ какъ тамъ еще занималъ карауль Сводный пѣхотный полкъ, дежурному по карауламъ не подчиненный.

Затѣмъ, примѣрно до половины апрѣля, меня дежурнымъ по карауламъ не назначали, что меня очень устраивало, такъ какъ я не могъ отдѣлаться отъ гнетущаго чувства послѣ своего перваго дежурства.

Около этого времени стрѣлки 2-ой роты запаснаго баталіона, занимавшіе карауль въ Александровскомъ дворцѣ, проявили себя возмутительнымъ образомъ, грубо потребовавъ отобранія монтекристо у Наслѣдника Цесаревича.

Явившись на слѣдующій день въ роту, я приказалъ всѣхъ собрать, высказалъ солдатамъ недопустимость ихъ грубой выходки, указалъ что глумленіе надъ беззащитнымъ ребенкомъ гадко и мерзко и несовмѣстимо со званіемъ воинскаго чина и что мнѣ стыдно командовать такой ротой. Конечно меня немедленно объявили врагомъ революціи и народа и отрѣшили отъ командованія ротою.

Черезъ нѣкоторое время я былъ назначенъ наблюдающимъ за спеціальными командами полка и какъ болѣе свободный по службѣ сталъ чаще другихъ назначаться на дежурство по карауламъ г. Царскаго Села.

Для несенія караульной службы въ Царскомъ Селѣ назначался рядъ карауловъ отъ расположенныхъ въ гарнизонѣ запасныхъ баталіоновъ гвардейскихъ стрѣлковыхъ полковъ — 1-го Его Величества, 2-го Царскосельскаго и 4-го Императорской Фамиліи. Въ составъ ежедневныхъ карауловъ входилъ также спеціальнй офицерскій карауль для охраны Александровскаго дворца, въ которомъ была арестована Царская Семья. Карауль этотъ назывался офицерскимъ, такъ какъ во главѣ его назначался офицеръ, въ отличіе отъ другихъ карауловъ, въ которыхъ караульными начальниками являлись унтеръ-офицеры. Общее наблюденіе за

всѣми караулами возлагалось на дежурнаго по карауламъ и его помощника—„рунда“. Караулы и дежурный по карауламъ назначались часто отъ разныхъ войсковыхъ частей.

На дежурнаго по карауламъ кромѣ общихъ караульныхъ обязанностей возлагалась еще специальная обязанность присутствовать во время прогулокъ Царской Семьи въ паркѣ. Обыкновенно дежурный по карауламъ находился въ офицерскомъ собраніи своего баталіона, куда начальникъ караула при Александровскомъ дворцѣ передавалъ по телефону о времени, когда Государь Императоръ съ Семейю предполагаетъ выйти на прогулку. Время прогулокъ ограничивалось опредѣленными часами, во время которыхъ въ отведенной для прогулокъ части парка выставлялись добавочные часовые, якобы для охраны Царской Семьи отъ возможныхъ покушеній извнѣ. Мѣсто для прогулокъ первоначально отдалялось примѣрно до полуверсты отъ дворца, но со временемъ все суживалось, мотивируя затруднительностью охраны Царской Семьи. Часовые, разставляемые вокругъ отведеннаго для прогулокъ участка парка, должны были по караульнымъ правиламъ стоять лицомъ въ поле и спиной къ мѣсту прогулки Государя и Царской Семьи, но фактически изъ любопытства и отсутствія дисциплины всегда поворачивались лицомъ къ Государю. Въ составъ караула при Александровскомъ дворцѣ еще специально назначался одинъ изъ членовъ революціоннаго комитета того же запаснаго баталіона, отъ котораго назначался карауль. Членъ комитета никакихъ специальныхъ караульныхъ обязанностей не имѣлъ и на него возлагалось лишь соглядатайство и наблюденіе за дѣйствіями чиновъ караула и охраны.

По прибытіи въ Александровскій дворець дежурный по карауламъ въ сопровожденіи рунда или караульнаго начальника ожидалъ обыкновенно выхода Царской Семьи въ стеклянной ротондѣ, выходящей въ паркъ. По выходѣ Государя и членовъ Царской Семьи на прогулку Его Величество, проходя мимо, всегда здоровался и, или въ началѣ, или во время прогулки, чаще по окончаніи ея, милостиво разговаривалъ съ дежурнымъ по карауламъ офицеромъ.

Государя и членовъ Императорской Семьи обыкновенно сопровождали въ должности гофмаршала свиты Его Величества генераль-маіоръ В. А. Долгорукій, лейбъ-медикъ Его Величества Е. С. Боткинъ, воспитатель Наслѣдника швейцарецъ П. А. Жильяръ и дядька Наслѣдника матросъ Нагорный. Императрицу вывозили въ креслѣ къ открытымъ въ паркъ дверямъ ротонды, гдѣ Ея Величество читала или работала. Обыкновенно одна изъ Великихъ Княженъ находилась въ обществѣ Императрицы, чаще это бывала Великая Княжна Татьяна Николаевна. Позже, когда стало теплѣе, Императрицу въ креслѣ выносили и выкатывали въ прилегающую къ дворцу часть парка.

За время нахождения Государя Императора арестованнымъ въ Царскомъ Селѣ мнѣ пришлось быть дежурнымъ по карауламъ съ обязательнымъ посѣщеніемъ Александровскаго дворца не менѣе 8—10 разъ.

Помню, что я очень волновался во время моего перваго дежурства, ожидая выхода Государя и всей Августѣйшей Семьи въ стеклянной ротондѣ Александровскаго дворца. Государь такъ милостиво и съ такимъ чарующимъ взглядомъ поздоровался со мною, что мое смущеніе сразу прошло. Его Величество сопровождали Наслѣдникъ Цесаревичъ, три Великія Княжны,

князь Долгорукій, Боткинъ и Жильяръ. Государыня изъ-за сердечныхъ припадковъ и Великая Княжна Татьяна Николаевна въ этотъ разъ не выходили. Всѣ бывшіе на прогулкѣ направились въ паркъ къ грядкамъ, на которыхъ Царская Семья работала. Великія Княжны были въ высокихъ русскихъ сапогахъ и дружно и весело дѣйствовали лопатами. Съ Царской Семейей работали князь Долгорукій, Жильяръ и кой-кто изъ царскихъ слугъ.

Будучи вынужденнымъ выполнять крайне тягостную обязанность по охранѣ и наблюдению за Царской Семейей во время прогулокъ, я всегда старался держаться возможно дальше и въ сторонѣ отъ Его Величества, чтобы по возможности сохранить Царской Семейѣ иллюзію, что Она находится въ своемъ тѣсномъ кругу.

Въ одно изъ слѣдующихъ моихъ дежурствъ по карауламъ Государь Императоръ въ мило-ливой бесѣдѣ со мною сказалъ, что, разбирая на дняхъ свои фотографіи, случайно нашелъ карточку представленія въ Ливадіи, 17 апрѣля 1914 года, депутаціи лейбъ-гвардіи отъ 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка, въ составъ которой входилъ и я. При этомъ Государь добавилъ: „Какъ это все далеко, сейчасъ совсѣмъ другія времена“.

Весну 1914 года Государь Императоръ съ Августѣйшей Семейей проводилъ въ Крыму. 17-го апрѣля того же года, въ день полковыхъ праздниковъ лейбъ-гвардіи 1 стрѣлковаго Его Величества и лейбъ-гвардіи 2 стрѣлковаго Царскосельскаго полковъ, представлялись Государю Императору депутаціи отъ названныхъ полковъ въ собственномъ Его Величества дворцѣ Ливадіи. Въ составъ депутацій входили: отъ 1 полка — бывший командиръ полка генералъ-отъ-ин-

фантеріи Мальцевъ и штабсъ-капитанъ Завалишинъ; отъ 2 полка — полковникъ Панпушко, штабсъ-капитанъ Змѣтновъ I и я.

Депутации представлялись и приносили поздравленія Его Величеству и членамъ Царской Семьи передъ завтракомъ. Во время Высочайшаго завтрака, къ которому были приглашены члены депутатій, Государь Императоръ провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе справлявшихъ въ тотъ день свой полковой праздникъ войсковыхъ частей. Послѣ завтрака депутатии поднесли букеты малиновыхъ розъ Государынѣ Императрицѣ и Великимъ Княжнамъ. Розы соотвѣтствующаго цвѣта и оттѣнка прибора полковъ специально культивировались въ садоводствахъ Царскаго Села и были привезены съ собой въ наполненныхъ торфомъ ящикахъ. Во время обычнаго послѣ Высочайшаго завтрака „sercle“ Ихъ Величества милостиво разговаривали съ каждымъ изъ членовъ депутатій. Государыня Императрица болѣе длительно бесѣдовала съ полковникомъ Панпушко, котораго Ея Величество хорошо знала по Японской войнѣ, во время которой полковникъ Панпушко завѣдывалъ санитарнымъ поѣздомъ имени Императрицы.

Послѣ Высочайшаго представленія я оставался въ отпуску въ Алупкѣ. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней, въ числѣ другихъ, я былъ приглашенъ въ Ливадию для участія въ игрѣ въ теннисъ съ Великими Княжнами въ присутствіи Государя Императора.

Въ одно изъ моихъ послѣдующихъ дежурствъ въ 1917 году въ Царскомъ Селѣ Государь Императоръ, разговаривая о томъ, что дѣлается на фронтѣ, сказалъ: „Какъ мнѣ жаль васъ, офицеровъ, видя, что вамъ приходится переносить“.

Допускавшіеся въ началѣ разговоры дежурныхъ по карауламъ и караульныхъ начальниковъ съ Государемъ Императоромъ и членами Императорской Семьи, а также цѣлованіе руки у Государыни Императрицы и Великихъ Княженъ были позже строго воспрещены Керенскимъ. Оффициально это мотивировалось нежеланіемъ ставить членовъ Императорской Семьи въ неудобное положеніе послѣ случая, когда одинъ караульный начальникъ, прапорщикъ изъ нижнихъ чиновъ, позволилъ себѣ не принять руки Государя Императора. На самомъ дѣлѣ къ этому придрались, не довѣряя офицерамъ и боясь ихъ общенія съ членами Царской Семьи.

Насколько велико было недовѣріе къ офицерамъ показываетъ слѣдующій ничтожный случай, когда во время одной изъ прогулокъ я обмѣнялся нѣсколькими французскими фразами съ княземъ Долгорукимъ. Объ этомъ караульными солдатами немедленно было передано въ запасный баталіонъ и на этой почвѣ у меня возникли скучные и непріятные разговоры съ революціоннымъ комитетомъ баталіона.

Послѣ одного изъ пріѣздовъ Керенскаго въ Царское Село стало извѣстно, что Царскую Семью предполагаютъ куда-то отправить. Мѣсто назначенія въ началѣ не было извѣстно и во время моего очереднаго дежурства ко мнѣ обратился князь Долгорукій съ просьбой узнать, куда предполагаютъ отправить Царскую Семью. Послѣдняя въ началѣ даже обрадовалась предстоящему переѣзду, будучи въ полной увѣренности, что Ихъ отправятъ въ Ливадію.

Примѣрно дней за 6 до вывоза Царской Семьи изъ Царскаго Села вновь прибылъ Керенскій, который указалъ, что безопасность Царской Семьи требуетъ Ея удаленія изъ Цар-

скаго Села подальше, въ Сибирь, рекомендо-
валъ заготовить теплыя вещи, но точно не
опредѣлилъ мѣста отправленія.

31-го іюня 1917 г., я вновь былъ наряженъ
дежурнымъ по карауламъ. Въ этотъ же день
около полуночи былъ назначенъ окончатель-
ный отъѣздъ Царской Семьи.

Непосредственно послѣ развода карауловъ
я отправился въ Александровскій дворецъ, гдѣ
заступилъ караулъ отъ запаснаго баталіона
лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской
Фамиліи полка.

Около 6 часовъ вечера пріѣхалъ Керен-
скій съ помощникомъ командующаго войсками
Петроградскаго военнаго округа, штабсъ-капи-
таномъ Козьминымъ, бывшимъ въ 1905 году
кратковременнымъ президентомъ Читинской
республики и находившимся затѣмъ въ ссылкѣ.
Керенскій прошелъ въ покои Государя, гдѣ
имѣлъ непродолжительную бесѣду съ Его Ве-
личествомъ.

Вскорѣ послѣ того прибылъ Великій Князь
Михаилъ Александровичъ проститься съ Госу-
даремъ.

На половинѣ Государя имѣлись три ком-
наты. Первая была пріемная, далѣе—кабинетъ
и позади—личная комната Государя.

Прощаніе происходило въ кабинетѣ Госу-
даря въ присутствіи Керенскаго и продолжа-
лось около 15 минутъ. Лишь въ послѣднія
2—3 минуты Августѣйшіе братья удалились въ
личную комнату Государя и оставались въ ней
съ глаза на глазъ. Керенскій мнѣ указалъ,
чтобы я также присутствовалъ при прощаніи
Государя съ Великимъ Княземъ, но я отъ это-
го уклонился и оставался въ пріемной комнатѣ
Государя.

Для сопровожденія и охраны Государя и Царской Семьи былъ сформированъ отрядъ „Особаго Назначенія“ отъ 1, 2 и 4 запасныхъ баталіоновъ Гвардейской стрѣлковой дивизіи. Отъ каждаго баталіона по ротѣ стрѣлковъ при двухъ офицерахъ. Общее завѣдываніе охраной было возложено на коменданта дворца, полковника лейбъ-гвардіи Петроградскаго полка Кобылинскаго, старавшагося по возможности смягчить тяжелый режимъ Государя.

Во главѣ охранной части отъ запаснаго баталіона лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка былъ комитетомъ назначенъ прапорщикъ Деконскій, переведенный туда уже послѣ революціи изъ запаснаго баталіона 4-го стрѣлковаго полка. Это былъ ярый большевикъ и противникъ Царской Семьи, котораго никакъ нельзя было допустить въ царскую охрану.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Великаго Князя Михаила Александровича Керенскій уѣхалъ въ Запасный (Екатерининскій) дворець, куда черезъ нѣкоторое время поѣхалъ и я. Розыскавъ Керенскаго, я далъ ему характеристику прапорщика Деконскаго и настаивалъ на полной невозможности командированія Деконскаго съ Царской Семейей. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій Керенскій все же проникся моими доводами и настоялъ на отмѣнѣ отправки Деконскаго. Въ результатѣ отъ запаснаго баталіона 2 полка были командированы: прапорщикъ Пыжовъ — изъ бывшихъ унтеръ офицеровъ роты Его Высочества полка и прапорщикъ Семеновъ — полуинтеллигентъ, попавшій въ запасный баталіонъ со стороны и игравшій большую роль въ революціонномъ комитетѣ баталіона.

Вернувшись обратно въ Александровскій дворець, я прошелъ въ корридоръ, раздѣляв-

шій покой Императора отъ покоевъ Императрицы, гдѣ разговаривалъ съ лицами, состоявшими при Ихъ Величествахъ. Здѣсь же находилась графиня Бенкендорфъ и появлялись Царскія Дѣти. Черезъ нѣкоторое время оберъ-гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ передалъ мнѣ, что Императрица проситъ меня къ Себѣ во внутренній покой, чтобы проститься.

Караульнымъ входъ въ личные покои Государя и Императрицы былъ строжайше воспрещенъ. Чтобы оградить меня отъ возможныхъ служебныхъ непріятностей за нарушение этого правила, присутствующіе здѣсь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великая Княжна Ольга Николаевна по собственной инициативѣ стали на двухъ концахъ корридора, чтобы слѣдить, не идетъ ли кто-нибудь изъ непрошенныхъ, и во время предупредить.

Императрица встрѣтила меня у Себя въ будуарѣ съ милостивыми словами: „Я просила васъ къ Себѣ, чтобы попрощаться съ вами и поблагодарить за ваше всегда внимательное къ Намъ отношеніе“. Далѣе съ глазами полными слезъ Ея Величество сказала: „Мы отрываемся отъ Нашего родного дома и ѣдемъ въ полную неизвѣстность“. Подойдя къ стоявшему рядомъ столику, Государыня нервно взяла образокъ и благословила меня имъ. Послѣ сего, поцѣловавъ руку Императрицы, я откланялся Ея Величеству, глубоко тронутый Ея сердечностью и вниманіемъ ко мнѣ.

Вскорѣ послѣ этого въ одной изъ проходныхъ комнатъ изъ корридора въ ротонду я встрѣтилъ Великую Княжну Марію Николаевну, съ которой поздоровался, поцѣловавъ руку. Во время разговора съ Ея Высочествомъ мимо насъ прошелъ къ ротондѣ помощникъ командующаго войсками Петроградскаго военнаго округа,

штабсъ-капитанъ Козьминъ въ сопровожденіи коменданта дворца, полковника Кобылинскаго и караульнаго начальника. Вслѣдъ затѣмъ явился караульный начальникъ и потребовалъ меня отъ имени штабсъ-капитана Козьмина въ ротонду. Извинившись я простился съ Великой Княжной. Въ ротондѣ штабсъ-капитанъ Козьминъ въ присутствіи полковника Кобылинскаго налетѣлъ на меня въ высшей степени грубой и рѣзкой формѣ за то, что я осмѣлился нарушить приказъ — не цѣловать руки и не разговаривать съ членами Царской Семьи. Онъ кричалъ, что предастъ меня суду и приказалъ ни на шагъ отъ него не отходить. Грубая и громкая брань Козьмина была слышна другимъ и дошла до свѣдѣнія Ихъ Величествъ.

Въ эту же ротонду позже стали сносить всѣ сундуки и съ подъѣзда, ведущаго изъ ротонды въ паркъ, состоялся отъѣздъ Царской Семьи.

Черезъ нѣкоторое время, уже подъ вечеръ, я находился въ ротондѣ, разговаривая съ графиней Бенкендорфъ, когда подошелъ князь Долгорукій и передалъ мнѣ, что Государь съ Царской Семьей желаетъ со мной проститься. Такъ какъ вблизи находился Козьминъ, то, чтобы отвлечь его вниманіе, я вышелъ изъ ротонды въ паркъ, обошелъ вокругъ дворца, вновь вошелъ во дворецъ черезъ главный подъѣздъ и прошелъ въ бібліотеку, гдѣ находились Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великія Княжны и нѣкоторыя лица свиты.

Государь, поблагодаривъ за службу, передалъ мнѣ Свою фотографическую карточку съ надписью „Николай. 1917 г.“ со словами: „Я думаю, что вы не откажетесь принять на память Мою фотографію. Карточка эта случайная, которая оказалась у Меня подъ рукой. Я на-

рочно не написалъ числа, чтобы вамъ, въ случаѣ чего, не было лишнихъ непріятностей“. Затѣмъ Государь обнялъ меня и поцѣловалъ. Только что я простился съ Государемъ Императоромъ, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Князьями, какъ появился караульный начальникъ, который мнѣ передалъ, что Козьминъ послалъ его меня вновь розыскать. Присутствовавшій при этомъ Государь обратился ко мнѣ со словами: „Спрячьте скорѣй фотографію, чтобы вамъ не было новыхъ непріятностей!“ Я вышелъ изъ библіотеки глубоко растроганный исключительной сердечностью и заботливостью обо мнѣ Государя Императора и всей Царской Семьи.

По возвращеніи въ ротонду Козьминъ меня раздраженно спросилъ, куда я вновь исчезъ. Я возразилъ, что ходилъ повѣрять посты, что составляетъ мою обязанность и право.

Въ библіотекѣ шло прощаніе Царской Семьи съ остающимися въ Царскомъ Селѣ лицами и слугами дворца.

Наступало время, назначенное для отъѣзда. Между тѣмъ произошли затрудненія съ подачей Царскаго поѣзда и никто не зналъ, скоро ли, когда его подадутъ и подадутъ ли его вообще. Шли слухи о какихъ-то протестахъ рабочихъ, дѣлались разныя догадки, но вѣрныхъ свѣдѣній не было. Началось безконечное томительное ожиданіе всей Царской Семьи. Вещи сложены, автомобили поданы къ подъѣзду въ паркѣ, отъѣздъ ожидается съ минуты на минуту. Вся ночь прошла въ томительномъ ожиданіи, безъ отдыха.

Во время этого ожиданія былъ поданъ чай въ примыкавшую къ ротондѣ боковую гостиную, въ которой размѣстилась Царская Семья и всѣ Ихъ провожавшіе. Тутъ же вертѣлся Козьминъ и послѣ 4-хъ часовъ утра вновь по-

явился Керенскій. Во время чая, который большинство пили стоя, Государь, проходя мимо меня, сказалъ по-французски: „Я больше не буду съ вами разговаривать, такъ какъ вы имѣли сегодня уже достаточно неприятностей.“

Только послѣ 5 часовъ утра Царская Семья стала садиться въ автомобили. Когда вышла Императрица, то полковникъ Кобылинскій и я, по взаимному сговору, поднесли Ея Величеству букеты изъ розъ, заранѣе приготовленные распоряженіемъ полковника Кобылинскаго.

Государь садился въ автомобиль со свойственной ему выдержкой и спокойствіемъ. Императрица была сильно взволнована и въ слезахъ. Большинство провожавшихъ плакало.

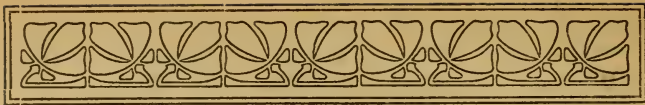
Автомобили тронулись, окруженные конными казаками.

На вокзалѣ Императорскій поѣздъ не былъ поданъ къ перрону, такъ что членамъ Императорской Семьи пришлось итти по шпаламъ, что было затруднительно для Императрицы, ходившей съ трудомъ. Наслѣдника несли на рукахъ.

Въ 5 час. 59 мин. утра, 1 августа 1917 года, Царская Семья отбыла изъ Царскаго Села въ неизвѣстность, чтобы менѣе чѣмъ черезъ годъ закончить свои мученическіе дни въ Екатеринбургѣ.

Записалъ Э. Верцинскій.

Гор. Гельсингфорсъ,
25-го мая 1931 г.

Бой въ Квадратномъ лѣсу 1-2 окт. 1916 г.

Воспоминанія командира баталіона лейбъ-гвардіи
2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка.

*Посвящается памяти доблестно павшаго
въ рядахъ Царскосельскихъ стрѣлковъ по-
ручника лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка
АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА СТАВСКАГО.*

Въ бояхъ на Ковельскомъ направленіи, лѣта 1916 г., гвардейская пѣхота понесла очень тяжелыя потери, особенно на рѣкѣ Стоходѣ.

Послѣ краткаго перерыва, состоявшаго въ передвиженіяхъ и занятіи другихъ участковъ фронта, гвардія была переброшена на Владиміро-Волынское направленіе.

Высшія соображенія войны потребовали перехода здѣсь нашихъ войскъ къ активнымъ дѣйствіямъ, и истекавшая кровью гвардія, едва пополнившись и оправившись, снова напрягла свои силы въ упорныхъ атакахъ на фронтѣ Шельвовъ-Корытница.

Въ частности Гвардейская стрѣлковая дивизія, занимая участокъ на фронтѣ Квадратнаго лѣса и юго-восточнѣе д. Войнина, трижды атаковала здѣсь австро-германцевъ 3-го, 7-го и 19-го сентября.

Особенно были велики потери гвардіи въ офицерахъ, причемъ для Гвардейской стрѣлковой дивизіи вопросъ этотъ стоялъ еще болѣе остро, такъ какъ дивизія наша предшествую-

щею зимою развернула свои полки изъ двухъ въ трехбаталіонный составъ, не получивъ для этого пополненія въ офицерахъ.

Возмѣстить эти потери нельзя было ни выпускомъ изъ ускоренныхъ курсовъ военныхъ училищъ, ни прикомандированіемъ офицеровъ изъ арміи.

Ввиду этого и вынужденнаго бездѣйствія нашей гвардейской конницы, занимавшей спѣшенными частями позиціи на пассивныхъ участкахъ фронта, былъ поднятъ вопросъ о прикомандированіи къ гвардейской пѣхотѣ и стрѣлкамъ офицеровъ гвардейской конницы.

Мысль эта нашла живой откликъ въ средѣ нашей доблестной кавалеріи и въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ полкъ нашъ прибыли два офицера л.-гв. Драгунскаго полка—поручики Ставскій и Баронъ Энгельгардтъ.

Прикомандированіе ихъ, при создавшихся тяжелыхъ условіяхъ, было встрѣчено общою радостью. Сообразно своему старшинству они были назначены командирами ротъ въ 1-й и 2-й баталіоны полка.

Мнѣ, бывшему въ это время командиромъ 1-го баталіона, посчастливилось имѣть подъ начальствомъ, въ качествѣ командира 3-й роты, столь доблестнаго офицера Русской арміи, какимъ былъ Александръ Михайловичъ Ставскій.

Еще въ началѣ войны онъ прославился своимъ пятимѣсячнымъ пребываніемъ въ тылу у врага, съ развѣдомъ, а потомъ и безъ него, не будучи захваченъ въ плѣнъ.

Героически выйдя изъ почти безнадежнаго положенія присоединеніемъ къ наступающимъ германскимъ цѣпямъ, поручикъ Ставскій, при представленіи Государю Императору, былъ Его Величествомъ лично награжденъ георгіевск. крестомъ.

Въ ночь на 20-е сентября 1916 г., полкъ занялъ позицію въ Квадратномъ лѣсу. Первый баталіонъ расположился правѣе второго, при-мыкая своимъ правымъ флангомъ къ опушкѣ лѣса. Полкового резерва не было, такъ какъ вслѣдствіе большихъ потерь полкъ былъ сведенъ въ двухбаталіонный составъ. Роты были ослабленной численности.

На полкъ была возложена трудная боевая задача, неудавшаяся наканунѣ, 19-го сентября, л.-гв. 3-му стрѣлковому Его Величества полку. Задача эта состояла въ томъ, чтобы выбить противника изъ занимаемаго имъ прочнаго положенія въ лѣсу и частично овладѣть лѣсомъ, имѣвшимъ значеніе опорнаго пункта и дававшимъ австро-германцамъ большія выгоды.

Относительно общей линіи фронта лѣсъ выступалъ въ нашу сторону и, будучи неуязвимъ для нашей слабой артиллеріи, фланкировалъ подступы къ сосѣднему справа участку непріятельской позиціи. Участокъ этотъ былъ дважды безуспѣшно атакованъ нами, а прежде насъ — Восточно-Сибирскими стрѣлками.

Обращенная къ намъ опушка Квадратнаго лѣса, которой овладѣли Сибиряки, господствовала кромѣ того надъ тыломъ всего нашего расположенія. Такимъ образомъ и съ этой стороны лѣсъ этотъ имѣлъ большое тактическое значеніе, и борьба за эту опушку, до нашего прихода, имѣла упорный характеръ. Дальнѣйшее продвиженіе въ лѣсъ полнѣе обезпечивало бы за нами владѣніе этой опушкой.

Одновременно съ лѣсомъ Сибиряки атаковали и позиціи вправо, вплотную къ лѣсу, подвергшись губительному фланкирующему огню. Лента ихъ труповъ, стройно тянувшаяся передъ проволокою, свидѣтельствовала объ ихъ героизмѣ и силѣ фланкирующаго огня изъ лѣса.

Зловѣщій „Зеленый окопъ“, на боковой опушкѣ Квадратнаго лѣса, скрывалъ отлично примененную къ мѣстности и солидно защищенную сверху пулеметную батарею германцевъ.

Трупы Сибиряковъ, въ полномъ боевомъ снаряженіи, какъ живые лежавшіе передъ проволокою, кажущаяся пустота въ непріятельскихъ линіяхъ, за которой скрывались энергичныя работы по укрѣпленію, и, наконецъ „Зеленый окопъ“, виднѣвшійся на опушкѣ лѣса,— все это создавало мрачную, неутѣшительную картину.

Подъ ея впечатлѣніемъ прошли наши безуспѣшныя атаки, 3-го и 7-го сентября, жестоко отбитыя врагомъ. И только тогда, когда много времени было потеряно и мы понесли тяжелыя жертвы, было наконецъ рѣшено направить усилія на лѣсъ. Но первая попытка — атака 3-мъ полкомъ — окончилась для насъ неудачно. Побывавъ въ окопахъ противника, атакующіе не удержались и вернулись въ исходное положеніе.

И вотъ теперь намъ, смѣнившимъ стрѣлковъ 3-го полка, приказывалось эту атаку повторить, пройдя снова всю длительную подготовку къ ней.

Ввиду того, что стрѣльба по лѣсу для разрушенія проволочныхъ загражденій для легкой артиллеріи оказывалась невозможной, — mortarной же мы не имѣли — для овладѣнія лѣсной позиціей нѣмцевъ намѣчался нѣсколько новыхъ для насъ способъ дѣйствій.

Способъ этотъ, хотя не въ полной мѣрѣ, уже былъ испробованъ 3-мъ полкомъ. Намъ нужно было только развить его. Онъ состоялъ въ постепенномъ приближеніи къ противнику летучею сапою и веденіи подъ непріятельскую позицію минныхъ галлерей для закладки поро-

хового заряда. Затѣмъ, путемъ взрыва разрушался участокъ проволочныхъ загражденій противника и открывалась такимъ образомъ дорога къ его окопамъ. Атака производилась внезапно, вслѣдъ за взрывомъ, съ короткаго расстоянія, изъ заложенныхъ впереди параллелей.

При атакѣ 19-го сентября, для открытія проходовъ въ проволочкѣ, были примѣнены сверхъ того удлинненные пороховые заряды. По трудности этой операціи подъ огнемъ — повторять ее не предполагалось.

Неудача 3-го полка произошла, какъ мнѣ казалось, оттого, что не была точно опредѣлена цѣль атаки, и руководитель ея, распыливъ свои силы, не смогъ организовать закрѣпленія на какомъ-нибудь опредѣленномъ рубежѣ.

А извѣстно, что удержаніе за собой захваченнаго, въ минувшую войну, представлялось нерѣдко задачей болѣе трудною, чѣмъ самая атака. Войска выдыхались и разстраивались. Порывъ смѣнялся упадкомъ.

Нѣмцы же умѣли сосредоточивать силы для производства контръ-атакъ и возвращенія потеряннаго.

Поэтому, наряду съ подготовкой къ атакѣ, необходимо было озаботиться и принятіемъ мѣръ къ закрѣпленію въ неприятельскихъ окопахъ.

Къ этому я сталъ готовиться, обдумавъ всѣ связанные съ этимъ вопросы. Отъ тыла необходимо было потребовать всѣ важные для того матеріалы. Подчиненнымъ командирамъ и ротамъ — внушить опредѣленные правила дѣйствій послѣ атаки.

Инженерныя работы для занятія исходнаго положенія для атаки велись, какъ всегда, по ночамъ, сопровождаясь боемъ ручными гранатами, ибо расстояние между нашими и германскими

окопами, съуживаясь по мѣрѣ работъ, доходило мѣстами до 20-ти—15-ти шаговъ.

Работающіе стрѣлки прикрывались стальными щитами. Заканчивая новую параллель, увѣнчивали ее металлической сѣткой, предохранявшей отъ бомбардировки ручными гранатами.

Днемъ наблюденіе за противникомъ производилось секретами. Защищаясь щитами, секреты располагались иногда такъ близко отъ германскихъ часовыхъ, что малѣйшій шорохъ одного былъ слышенъ другому, и каждый пользовался благопріятнымъ моментомъ, оплошностью другого, чтобы бросить въ него ручную гранату.

Послѣдняя настолько вошла въ обиходъ нашей жизни въ Квадратномъ лѣсу, что большая часть раненій падала на ручныя гранаты.

Обстановка была очень нервная, напряженная. Каждый день ожидали какого-нибудь сюрприза отъ нѣмцевъ, могущаго помѣшать работѣ и приготовленіямъ нашимъ къ атакѣ.

Такъ минерамъ нерѣдко слышались стуки въ землѣ и чудилось, что нѣмцы ведутъ подъ нихъ контръ-минную галлерею и могутъ упредить насъ во взрывѣ.

Опасались и того, что нѣмцы ворвутся въ создаваемые и незанимаемые передовые окопы въ то утреннее время, когда работы прекращались и все, кромѣ часовыхъ и дежурныхъ частей, погружалось въ сонъ.

Но опасенія были напрасны. Въ окопахъ противника и въ тылу у него не замѣчалось особеннаго движенія. Оборона австро-германцевъ на этомъ фронтѣ носила пассивный характеръ и у нихъ шли приготовленія къ зимовкѣ.

Однако, чтобы мѣшать работамъ и какимъ-нибудь приготовленіямъ нѣмцевъ, разрушать мѣстами ихъ сильныя проволочныя загражденія,

мѣшать ихъ наблюденію за нами, мы вели по нимъ, въ теченіе дня, энергичную бомбардировку изъ минометовъ. Ихъ было въ моемъ распоряженіи 12, причемъ мины послѣдняго образца имѣли большой разрывной зарядъ.

Чтобы достигнуть положительныхъ результатовъ я организовалъ изъ нихъ батарею для стрѣльбы сосредоточеннымъ огнемъ, направляемымъ съ наблюдательныхъ пунктовъ, соединенныхъ телефономъ съ батареей.

Работа съ минометами приняла систематическій характеръ. Изъ представлявшихся цѣлей разрушалось все то, что было доступно при ограниченной дальности стрѣльбы минами и еще болѣе ограниченной точности ихъ попаданій. Такъ былъ, напримѣръ, разрушенъ хорошо оборудованный передовой наблюдательный пунктъ германцевъ.

Наряду съ инженерными работами и борьбой минами шли приготовленія къ атакѣ и закрѣпленію въ непріятельскихъ окопахъ. Труднымъ при этомъ стоялъ вопросъ по обезпеченію лѣваго фланга и установленію связи со вторымъ баталіономъ, пунктъ атаки котораго отстоялъ на значительномъ разстояніи. При этомъ, по совокупности данныхъ, успѣхъ 2-го баталіона вообще казался сомнительнымъ.

Правый мой флангъ упирался въ боковую опушку выступавшаго въ нашу сторону лѣса, и потому не внушалъ безпокойства. Кромѣ того онъ обезпечивался уступнымъ расположеніемъ баталіона Императорскихъ стрѣлковъ, предназначенныхъ для поддержки нашей атаки.

Обезпеченіе лѣваго фланга предполагалось вести активно, и въ планъ предстоящихъ дѣйствій входило распространеніе наше послѣ атаки по ходамъ сообщенія противника путемъ гранатнаго боя, съ поддержкой огнемъ минометовъ.

Дальнѣйшую атаку на слѣдующую линію нѣмцевъ, выводившую къ опушкѣ Квадратнаго лѣса, могли произвести лишь резервы изъ состава другихъ частей дивизіи, такъ какъ полковаго резерва не было.

Роты моего баталіона, какъ я упомянулъ уже, были ослабленной численности. Вопросъ же объ офицерахъ былъ прямо критическимъ. Двумя ротами командовали недавно и невѣдомо откуда прибывшіе прапорщики, съ которыми я не успѣлъ еще ознакомиться. Одной ротой командовалъ офицеръ изъ отбывавшихъ въ мирное время воинскую повинность вольноопредѣляющихся, штабсъ-капитанъ Бауеръ. И, наконецъ, лейбъ-драгунъ — поручикъ Ставскій. Младшихъ офицеровъ не было.

Прапорщики оказались храбрыми, и одинъ изъ нихъ палъ въ атакѣ, но боевого опыта и подготовки къ управленію ротами они не имѣли. Положиться, такимъ образомъ, можно было лишь на двухъ другихъ командировъ ротъ. Но одинъ — кавалеристъ, едва ли бывавшій въ окопахъ, хотя какъ доброволецъ въ пѣхотѣ и герой по натурѣ и предшествовавшей боевой службѣ и горѣлъ чувствомъ жертвенности и подвига.

Приглядываясь, однако, къ поручику Ставскому, я замѣтилъ, что онъ быстро осваивается съ непривычной для него обстановкой окопной войны и жизни и входитъ въ новую роль командира роты. Высокое чувство долга и дисциплины, эти лучшія традиціи гвардіи, были присущи ему въ высшей степени. Горячее кавалерійское сердце наполняло его порывомъ, стремленіемъ впередъ. Поэтому онъ съ увлеченіемъ готовилъ роту къ атакѣ и заражалъ ее своимъ настроеніемъ.

Послѣднее отразилось въ письмѣ къ отцу, наканунѣ боя 1-го октября. Описывая свои впечатлѣнія, онъ высказывалъ жажду вырваться

скорѣй изъ окоповъ къ зеленѣющей листвою опушкѣ. Онъ вѣрилъ въ побѣду и былъ бодръ духомъ.

Какъ офицеръ съ широкимъ кругозоромъ, отлично образованный (окончилъ университетъ), онъ могъ быть и дѣйствительно былъ, хотя, къ сожалѣнію, и недолго, такимъ же отличнымъ офицеромъ пѣхоты, какъ и конницы.

Въ заботахъ по подготовкѣ къ атакѣ проходило назначенное время и наступилъ наконецъ канунъ ея. Вечеромъ я собралъ своихъ ротныхъ командировъ для отдачи послѣднихъ распоряженій и послѣдній разъ видѣлся съ поручикомъ Ставскимъ.

Многіе участники войны подмѣтили, какъ тонко развивалось въ тѣ годы напряженнаго чувства опасности и жажды жизни — предчувствіе. Оно проявлялось иногда какъ смутное ожиданіе чего-то тяжелаго, когда предшествовало раненіямъ и контузіямъ, но нерѣдко и въ формѣ прямой увѣренности въ смерти.

Послѣднюю такъ ясно предвидѣлъ павшій въ первомъ бою командиръ полка генераль-маіоръ Пфейферъ. Предчувствовалъ и я тяжесть раненія и послѣдствій его въ началѣ войны. Но иногда это чувство проявлялось не въ отношеніи себя, а другихъ, большей частью близкихъ соратниковъ.

Такъ было въ послѣдній вечеръ свиданія моего съ поручикомъ Ставскимъ. Помню, меня поразилъ тогда незначительный фактъ—то, что онъ выбрился и постригся. И что-то внутри сказало: „Вотъ, какъ онъ приготовился къ смерти!“ И мысль эта, которой я тогда не придалъ значенія, скользнула и скрылась опять въ подсознаніе.

Точно въ 6 часовъ утра, на слѣдующій день, взвился огненный столбъ и масса земли, камней, деревья и колья съ проволокой, — все полетѣло въ воздухъ, сотрясшійся далеко отъ мѣста произведеннаго взрыва.

Роты, одна за другой, и во главѣ ихъ третья съ поручикомъ Ставскимъ, бросились въ атаку, осыпаемая падавшимъ пепломъ. Лѣсъ огласился крикомъ „ура“.

Черезъ нѣсколько минутъ взвились условленные ракеты, возвѣщавшія о занятіи линіи неприятельскихъ окоповъ. Атака удалась, благодаря внезапности взрыва для нѣмцевъ и быстро движению атакующихъ. Скоро появились и трофеи — плѣнные, пулеметы и разная военная добыча.

Атака 2-го баталіона не удалась вслѣдствіе трудностей мѣстности и неразрушенныхъ загражденій изъ-за менѣе удачно произведеннаго взрыва. Съ неудачей ея мой лѣвый флангъ оказался висящимъ на воздухѣ.

Нѣмцы немедленно повели ожесточенный пулеметный и ружейный обстрѣлъ, съ фронта и съ фланга, по занятому нами расположенію, а гренадерами стали настойчиво атаковать по окопу мой лѣвый открытый флангъ.

По ближайшему тылу захваченной линіи открыли огонь изъ минометовъ, затрудняя сообщеніе и управленіе боевымъ участкомъ баталіона. Помимо того, мѣстность въ нашу сторону повышалась и ружейнымъ огнемъ протрѣбливалась насквозь, не исключая и ходовъ сообщенія. Заднюю, нашу, опушку Квадратнаго лѣса, куда подходили резервы, нѣмцы взяли подъ ураганный огонь артиллеріи, который для нихъ былъ возможенъ наискось.

Укрѣпленіе тылового гребня захваченнаго неприятельскаго окопа съ помощью имѣвшихся

у атакующихъ мѣшковъ, устройство бойницъ, установка щитовъ и пулеметовъ, перекидываніе рогатокъ съ нашей стороны на непріятельскую, все это подъ непрерывнымъ огнемъ, съ ожиданіемъ контръ-атакъ, требовало бдѣльшаго самообладанія и личного примѣра со стороны начальниковъ.

Они оказались на высотѣ, но особенный, исключительный героизмъ проявилъ въ эти минуты Александръ Михайловичъ Ставскій. Энергично руководя работами и поддерживая духъ роты, онъ рисковалъ собой, поднимаясь въ ростъ изъ окопа. Огоньъ былъ силенъ и поручикъ Ставскій вскорѣ былъ раненъ въ руку.

Не обращая на это вниманія, онъ заложилъ за спину раненую руку и продолжалъ стоять подъ огнемъ. Второй пулей онъ былъ раненъ въ ногу. Горячая натура его, какъ я узналъ лишь впоследствии, легко воспламенялась въ бою, и нужна была чья-то рука, чтобы удерживать его отъ безразсуднаго риска. Такъ лейбъ-гвардіи въ Драгунскомъ полку его сопровождали въ атакахъ особые унтеръ-офицеры, которымъ вмѣнялось въ обязанность оберегать поручика Ставскаго отъ чрезмѣрнаго стремленія впередъ.

Но и тутъ полюбившіе своего новаго командира стрѣлки уговаривали его отойти отъ опаснаго мѣста и спуститься въ окопъ, тѣмъ болѣе, что раны его оставались безъ перевязки. Поручикъ Ставскій не слушалъ ихъ и, опираясь на палку, продолжалъ держаться поверхъ окопа. И третья пуля сразила его въ голову.

Рота потеряла беззавѣтно-отважнаго командира, л.-гв. Драгунскій полкъ и Русская армія — блестящаго по дарованіямъ офицера. Подвигъ поручика Ставскаго былъ отмѣченъ

посмертнымъ представленіемъ его къ награжденію Георгіевскимъ оружіемъ. Георгіевскій крестъ онъ имѣлъ уже.

Вдохновенная павшимъ командиромъ рота не дрогнула и далѣе. Захваченный участокъ позиціи рѣшительно за нами закрѣплялся. Устанавливались пулеметы и попытки германцевъ къ выходамъ въ контръ-атаку встрѣчались сосредоточеннымъ огнемъ.

На лѣвомъ же флангѣ баталіона шелъ въ это время непрерывный, упорный бой ручными гранатами. Но недостаточная къ нему подготовленность, малочисленность обученныхъ гренадеръ, а главное—слабое обезпеченіе гранатами, которыя съ опозданіемъ собирались со всѣхъ рѣшительно складовъ и позаимствованіемъ у сосѣднихъ частей, не дали намъ возможности развить свой успѣхъ этимъ тогда еще новымъ видомъ боя въ окопахъ и ходахъ сообщенія.

Гренадеры лишь стойко держались, обезпечивая флангъ баталіона. Къ концу дня они закрѣпили свое положеніе устройствомъ заваловъ и переносными проволочными загражденіями. День кончился, такимъ образомъ, нашей побѣдой, но, къ сожалѣнію, не на всемъ фронтѣ полка, ибо атака 2-го баталіона сорвалась и возобновить ее не представлялось возможнымъ.

Потери моего баталіона были значительны. Два ротныхъ командира убиты. Но моральныя и физическія силы бойцовъ оказались достаточны, чтобы стойко держаться еще цѣлыя сутки, до смѣны другимъ полкомъ нашей дивизіи.

Хотя успѣхъ этого боя былъ лишь частичный, но, при наличіи свѣжихъ резервовъ и дерзновеніи начальниковъ, не исключалъ, быть можетъ, возможности дальнѣйшаго его разви-

тія. Подтвержденіемъ этому служитъ какъ буд-то и та тревога и нервность, которыя проявилъ нашъ противникъ, открывъ въ тиши ночи, еще до разсвѣта, беспорядочный ураганный огонь по всему фронту лѣса.

Но для тревоги этой не было основаній. Того високаго подъема духа, котораго требуетъ ночная атака, части дивизіи, истомленные рядомъ безуспѣшныхъ боевъ, дать уже не могли. Не было и руководителей, за выбытіемъ изъ строя большинства кадровыхъ офицеровъ. А, между тѣмъ, внутренняя по отношеніямъ къ нѣмцамъ опушка Квадратнаго лѣса отстояла отъ насъ примѣрно шаговъ на 300 и путь къ ней былъ открытъ. Окопы слѣдующей линіи шли по самой опушкѣ и, по свидѣтельству побывавшихъ тамъ при атакѣ 19-го сентября офицеровъ, не были такъ укрѣплены какъ первые. Занимавшія же сосѣдній участокъ лѣса, передъ фронтомъ 2-го баталіона, части противника, имѣя въ лицѣ насъ угрозу своему флангу, не могли себя чувствовать увѣренно.

Но на все это требовались силы не только моральныя, но и численныя. Дивизія же была до крайности обезкровлена. Численный составъ полковъ упалъ до одного, много двухъ баталіоновъ. Мозгъ и душа ихъ — офицеры — были въ большинствѣ перебиты. И думается, что тотъ успѣхъ, который, не смотря ни на что, выпалъ на долю моего баталіона, является лучшимъ показателемъ того, какъ неправильно было высшее руководство нашими дѣйствіями по отношенію выбора пункта атаки въ началѣ сентябрскихъ боевъ. И правъ былъ командовавшій въ то время полкомъ, генераль-маіоръ Верцинскій, еще 30 августа настаивавшій въ штабѣ дивизіи на необходимости атаки полкомъ Квадратнаго лѣса, а не обтеканія его справа,

какъ, вопреки даннымъ военной науки и здравому смыслу, требовалось по диспозиціи, выработанной въ высшихъ штабахъ.

На слѣдующій день послѣ атаки, 2-го октября, нѣмцы энергично принимали свои мѣры для обратнаго овладѣнія утраченнымъ имъ участкомъ Квадратнаго лѣса. На фронтѣ ихъ появилась тяжелая артиллерія, которая откуда-то съ фланга стала пристрѣливаться по положенію баталіона. Минометы продолжали громить насъ съ фронта, сковывая передвиженія и препятствуя работамъ по устройству на новой позиціи. На лѣвомъ флангѣ возобновился упорный бой ручными гранатами, въ которыхъ у насъ былъ большой недостатокъ.

Активность и энергія нѣмцевъ, въ связи съ нашими потерями и утомленіемъ, стала внушать безпокойство за прочность всего нашего положенія въ лѣсу. На участокъ моего баталіона направлялись, какъ и наканунѣ, резервы. Но они заполняли ходы сообщеній, несли бесполезныя потери и, плохо управляемые по недостатку офицеровъ, вносили сумятицу и безпорядокъ. Повторялось обычное въ тотъ періодъ явленіе, что въ пунктахъ напряженнаго боя скоплялось много вооруженныхъ людей, но людей бездѣйствующихъ и бесполезныхъ.

Когда сосредоточивались они для повторенія отбитыхъ нашихъ атакъ, причѣмъ иногда, какъ говорилось на примѣръ въ приказѣ 3-го сентября, „по трупамъ павшихъ“, то забывалось отличіе окопной войны отъ полевой. Насколько въ послѣдней, въ дѣйствіяхъ резервами, возможна импровизація, настолько въ первой должна быть заблаговременность и въ подготовкѣ и въ организаціи.

Предназначенные для обороны и отбитія контръ-атакъ, какъ это было въ описываемые

дни, резервы эти также представляли собой сомнительную силу. Ограниченность фронта не позволяла замѣтно усилить ими ряды баталіона. Нахожденіе же ихъ въ ближайшихъ ходахъ и линіяхъ окоповъ затрудняло всѣ наши дѣйствія, не говоря о томъ, что составленные изъ наскоро обученныхъ и нестойкихъ въ бою пополненій, съ недостаткомъ офицеровъ, резервы эти, подвергаясь всѣмъ впечатлѣніямъ боя, но не принимая въ немъ непосредственнаго участія, легко разстраивались и подъ разными предлогами, одиночно и группами, устремлялись въ тылъ, дѣйствуя неблагопріятно на другихъ.

Поэтому я указывалъ командующему полкомъ на бесполезность пребыванія подобныхъ резервовъ въ ближайшемъ къ фронту участкѣ. Задача баталіона, на второй день оборонительная, была выполнена такимъ образомъ собственными силами. Съ наступленіемъ темноты мы были смѣнены на позиціи другимъ полкомъ нашей дивизіи. Полкъ этотъ, обезсиленный предшествующими боями, не смогъ уже ни продвинуться впередъ, ни удержаться въ занятомъ положеніи. Подъ вліяніемъ обстрѣла тяжелой артиллеріей захваченная часть лѣса была имъ очищена, и нѣмцы возстановили свое прежнее положеніе.

Вскорѣ мы были отведены въ тылъ для отдыха и пополненія. Отпущенный въ отпускъ, я былъ проѣздомъ въ штабъ Особой арміи у бывшаго однополчанина полковника Соллогуба. Онъ занималъ тогда должность старшаго адъютанта оперативнаго отдѣленія.

Отъ него я узналъ, что въ штабѣ арміи живо интересовались ходомъ боевъ въ Квадратномъ лѣсу. Я былъ представленъ командующему арміей генералу-отъ-кавалеріи Гурко, ко-

тому сдѣлалъ краткій докладъ о событіяхъ, въ коихъ я былъ участникомъ.

Генераль Гурко извѣстенъ былъ тѣмъ, что онъ часто бывалъ на позиціяхъ, вникалъ во всѣ стороны боевой службы въ окопахъ, интересовался расположеніемъ мельчайшихъ подраздѣленій пѣхоты и распоряженіями младшихъ начальниковъ, ползалъ даже туда, гдѣ бывали скрыты секреты.

Благодаря этому, онъ хорошо понималъ, чего можно требовать отъ войскъ, и не ставилъ неисполнимыхъ задачъ. Но сентябрьскіе бои прошли подъ начальствомъ генерала Каледина и кампанія этого года, съ прибытіемъ генерала Гурко, была уже кончена.

Окидывая взглядомъ весь періодъ осеннихъ боевъ на нашемъ фронтѣ, приходится признать, что, несмотря на большое одушевленіе, напряженіе всѣхъ бывшихъ у насъ силъ и средствъ и чрезвычайныя жертвы, бои эти не дали намъ никакого даже тактическаго успѣха, не говоря уже о чемъ-нибудь крупномъ, связанномъ съ прорывомъ непріятельскаго фронта.

Въ направленіи нашихъ дѣйствій проявлялось все то же, принятое въ началѣ войны, стремленіе — „наступленій во что бы то ни стало“, пренебрегая нашей технической неподготовленностью.

Это приводило къ тому, что душа пѣхоты и мозгъ ея — офицеры мирнаго времени и кадръ сверхсрочныхъ — быстро таяли. Армія приближалась къ милиціонной, а боевыя задачи, въ условіяхъ окопной войны, все болѣе усложнялись, предъявляя и большія требованія начальникамъ.

Только техника могла возмѣстить потерянное. Но новая, многочисленная артиллерія раз-

вернула свое мощное дѣйствіе лишь одновременно съ революціей, братаніями на фронтѣ и жаждой мира безъ аннексій и контрибуцій.

Бывшій командиръ л.-гв. 2-го стрѣлковаго
Царскосельскаго полка,

генераль-маіоръ **Нагаевъ.**

Бѣлградъ,
4/17 августа 1931 г.

Служба во Французской и Добровольческой арміяхъ.

Записано со словъ Г. А. Тавастшерна.

Георгій Александровичъ Тавастшерна — офицеръ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка, выпуска 1913 года. Міровую войну продѣлалъ въ рядахъ своего полка, въ которомъ былъ разъ контужень и дважды ранень. За атаку высоты 90,0 близъ Витонежа на Стоходѣ, въ ночь съ 17-го на 18-ое іюля 1916 года, награжденъ георгіевскимъ крестомъ 4-ой степени. Во время атаки д. Витонежъ, 21-го іюля 1916 года, ранень тремя пулями: въ голову съ разбитіемъ челюсти, въ плечо съ выходомъ около поясницы и въ лѣвую ногу, безъ поврежденія кости. Эвакуированъ въ Петроградъ, гдѣ помѣщенъ въ Св.-Троицкую общину сестеръ милосердія на Пескахъ, куда специально размѣщали раненыхъ въ голову. Въ началѣ ноября 1916 года поправился и былъ назначень въ запасный баталіонъ своего полка въ г. Царское Село.

Во время революціи Г. А. Тавастшерна отказался дать присягу Временному Правительству, былъ забаллотированъ стрѣлками запаснаго баталіона л.-гв. 2 стр. Царскосельскаго полка и отчисленъ въ резервъ чиновъ Петроградскаго военнаго округа съ переименованіемъ изъ капитановъ гвардіи въ подполковники арміи. Фактически продолжалъ носить форму полка съ подполковничьими погонами.

Въ апрѣлѣ 1917 года подполковникъ Тавастшерна обратился въ Главный Штабъ съ просьбой дать ему командировку за границу, такъ какъ не могъ ужиться съ мѣстными революціонными условіями. Ему было, какъ штабъ-офицеру, въ этомъ отказано.

Тогда Тавастшерна рѣшилъ съ той же просьбой обратиться непосредственно къ Военному Министру, господину Керенскому. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій былъ Керенскимъ принятъ въ кабинетѣ Военнаго Министра на Мойкѣ. Въ отвѣтъ на заявленіе Тавастшерна Керенскій велѣлъ обратиться къ начальнику Главнаго Штаба, генералу Архангельскому, а узнавъ, что Главный Штабъ отказалъ, сказалъ, что ничего сдѣлать не можетъ. Тогда Тавастшерна заявилъ, какой же онъ Военный Министръ, если ничего сдѣлать не можетъ, и кромѣ того добавилъ, что въ связи съ революціей пришелъ въ такое нервное состояніе, что можетъ застрѣлить „или себя, или васъ, или кого угодно вообще“. Керенскій страшно растерялся и сталъ говорить, „что же прикажете мнѣ дѣлать“, на что Тавастшерна ему посовѣтовалъ позвонить по телефону въ Главный Штабъ и отдать соотвѣтствующее распоряженіе.

Уже черезъ 48 часовъ послѣ этого разговора Тавастшерна выѣхалъ за границу во Францію черезъ Финляндію, Швецію, Норвегію и Англию. Заграничный паспортъ ему былъ выданъ на имя инженера Тавастшерна съ порученіемъ заказа автомобилей. Форменное платье, оружіе и бумаги военнаго характера были опечатаны въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и на руки выданъ курьерскій листъ. Такъ какъ его денщикъ, стрѣлокъ 8 роты Панковскій, не хотѣлъ съ нимъ разстаться, то онъ повезъ его съ собой за свой счетъ, получивъ на него изъ

Градоначальства заграничный паспортъ, какъ на своего слугу.

Изъ Бергена въ Абердинъ (въ Шотландіи) шелъ на англійскомъ транспортѣ „Вульфуръ“, который въ пути подвергся атакѣ подводной лодки. Въ Лондонѣ прожилъ 1½ мѣсяца. Въ концѣ іюня 1917 года прибылъ въ Парижъ, гдѣ явился военному агенту графу Игнатъеву.

А) Служба во Французской арміи.

Недѣли три находился при управленіи военнаго агента въ Парижѣ безъ опредѣленнаго назначенія. Затѣмъ получилъ предложеніе занять должность старшаго коменданта русской базы на югѣ Франціи, въ Тулонѣ. Прежній комендантъ полковникъ Радомскій незадолго до того умеръ отъ разрыва сердца и былъ французами на мѣстѣ торжественно похороненъ. Поѣхалъ къ мѣсту новаго назначенія въ штатскомъ. При пріѣздѣ въ Тулонъ былъ торжественно встрѣченъ помощникомъ коменданта капитаномъ Барановымъ, почетнымъ карауломъ отъ мѣстной французской команды штаба XV-го военного округа и выстроенной командой управленія русскаго коменданта. Былъ поданъ автомобиль съ Императорскимъ штандартомъ, почему то установленнымъ прежнимъ комендантомъ. Впослѣдствіи замѣнилъ Императорскій штандартъ русскимъ флажкомъ съ императорскимъ гербомъ въ углу.

Обязанности коменданта заключались въ завѣдываніи всѣми чинами русской арміи съ Французскаго и Салоникскаго фронтовъ—ранеными, тяжело больными, малярійными, находившимися на югѣ Франціи на излеченіи въ госпиталяхъ, а также всѣми отпускными. Всего на учетѣ было около 80 офицеровъ и 2500

нижнихъ чиновъ, которыхъ комендантъ снабжалъ всѣми видами довольствія и въ отноше- нии которыхъ комендантъ пользовался дисциплинарной властью начальника дивизіи.

Примѣрно въ ноябрѣ — декабрѣ 1917 года въ городѣ Іеръ (Hieres), въ 18 верстахъ отъ Тулона, произошло возстаніе. Команда русскихъ выздоравливающихъ въ 400 чело- вѣкъ отобрала оружіе у мѣстнаго гарнизона, двухъ ротъ сенегальцевъ, ввела у нихъ сол- датскіе комитеты, объявила самостоятельную Іерскую республику и вывѣсила красный флагъ на городской ратушѣ (hôtel de ville).

Во главѣ мѣстныхъ французскихъ властей находились: генераль-губернаторъ Варъ (Var) и морской префектъ — адмиралъ Лаказъ (Lacaze), бывшій морской министръ Франціи. Адмиралъ Лаказъ вызвалъ къ себѣ подполковника Таваст- шерна, далъ въ его распоряженіе 2 роты зуавовъ и приказалъ ему лично съ ними отправиться въ Іеръ и ликвидировать возстаніе, сказавъ, что никакъ не можетъ допустить существованія русской іерской республики.

Городъ Іеръ, имѣвшій около 8-10 тысячъ жителей, представлялъ изъ себя курортное мѣ- сто. При подходѣ къ Іеру колонна зуавовъ была неожиданно обстрѣляна, при чемъ 1 зуавъ былъ убитъ и 2-3 ранены. При развертываніи зуавовъ въ боевой порядокъ стрѣлявшіе скры- лись и городъ, основательно разгромленный пьяной ордой выздоравливающихъ, былъ очи- щенъ отъ возставшихъ почти безъ сопротивле- нія; возставшіе обезоружены и заперты въ ка- зармахъ. 12 челоуѣкъ зачинщиковъ были по- сажены въ Тулонскую крѣпость. Французы, по слухамъ, разстрѣляли среди сенегальцевъ 18 челоуѣкъ, изъ числа комитетчиковъ.

Первыя русскія войска въ помощь французамъ были отправлены черезъ Владивостокъ и прибыли во Францію послѣ длительного морскаго путешествія вокругъ свѣта. Видимо за время ихъ долгаго пути не было обращено должнаго вниманія на ихъ нравственную сторону и они оказались сильно деморализованными. Высадившись въ началѣ 1916 года въ Марселѣ, они размѣстились въ лагерь „Mailly“. Вскорѣ въ одномъ баталіонѣ возникъ бунтъ на продовольственной почвѣ. Явившійся для усмиренія командиръ баталіона полковникъ Краузе былъ солдатами звѣрски убитъ. Военный судъ приговорилъ 6 человекъ къ разстрѣлу. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе и разстрѣлянные погребены на лагерномъ стрѣльбищѣ подъ Марселемъ. На судѣ обвиняемые оправдывались, что убили полковника Краузе за то, что у него нѣмецкая фамилія, и имъ говорили, что онъ нѣмецкій шпионъ.

Ко времени революціи во Франціи была одна русская дивизія, подъ командой генерала Лохвицкаго. Другая русская дивизія, подъ командой генерала Дидерихса, находилась на Салоникскомъ фронтѣ. Еще находились во Франціи: запасная бригада для пополненій убыли, численностью около дивизіи, и рядъ санитарныхъ и административныхъ учреждений. Всѣ войска и учрежденія находились въ подчиненіи генерала Лохвицкаго, подъ общимъ наблюденіемъ генерала-отъ-инфантеріи Палицына, бывшаго представителемъ русскихъ войскъ при французскомъ главнокомандованіи еще до отреченія Государя Императора отъ престола.

Извѣстіе о революціи въ Россіи было получено въ періодъ оживленныхъ боевъ на французскомъ фронтѣ, когда русская дивизія особенно отличилась своими доблестными дѣй-

ствіями при взятіи дер. Курси и тѣмъ вызвала всеобщее восхищеніе французовъ. Въ этихъ бояхъ русскія войска понесли весьма значительныя потери, отчасти отъ французской артиллеріи изъ за недостатка точной связи. Русскіе, при продвиженіи подъ прикрытіемъ французскаго артиллерійскаго огня, слишкомъ зарывались впередъ и опережали перемѣщеніе зоны артиллерійскаго обстрѣла. Впослѣдствіи это также служило однимъ изъ мотивовъ для волненій и раздраженія русскихъ солдатъ противъ французовъ.

Дивизія, будучи послѣ боевъ отведена для отдыха и пополненія въ лагерь Куртинъ, стала распропагандироваться русскими революціонными идеями и дисциплина начала въ ней падать. По настоянію солдатъ былъ устроенъ первомайскій парадъ. Противъ присутствовавшего на парадѣ генерала Палицына уже раздавались изъ строя неодобрительныя окрики и свистки. Примѣрно въ іюнѣ, при попыткѣ отправить дивизію снова на фронтъ, она отказалась туда слѣдовать.

Послѣ революціи представителемъ русскихъ войскъ во Франціи отъ Временнаго правительства былъ назначенъ генераль Занкевичъ. Съ его пріѣздомъ совпалъ рядъ требованій солдатъ. Сначала о проведеніи въ жизнь приказа № 1 и введеніи комитетовъ. Затѣмъ стали требовать введенія винной дачи, какъ во французскихъ войскахъ, хотя русскія войска жили на своихъ совершенно иныхъ раскладкѣ и пайкѣ. Далѣе — требованіе о выдачѣ винныхъ денегъ за 1½ года. Каждое такое требованіе сопровождалось общаніемъ по его проведенію итти на фронтъ. Генераль Занкевичъ всѣ эти требованія утверждалъ, но солдаты предъявляли все новыя требованія и на

фронтъ не шли. Генераль Лохвицкій предлагалъ вмѣсто удовлетворенія всѣхъ этихъ требованій перевести войска на французскій паекъ и дисциплину, но генераль Занкевичъ на это не соглашался.

По полученіи винныхъ денегъ, около 700 франковъ на человѣка, началось сплошное пьянство въ лагерѣ Куртинъ и разгромъ со-сѣднихъ деревень и городовъ (Chalon sur Marne — примѣрно въ 15 верстахъ). Въ это время на фронтѣ шли упорные бои—іюльское наступленіе на Château Thierry и Soisson.

Популярность и довѣріе къ своимъ офицерамъ стали въ русскомъ лагерѣ быстро падать, чему много способствовало поведеніе французскихъ переводчиковъ. Послѣдніе имѣли во французской арміи званіе подпрапорщика (adjutant), но для поднятія ихъ престижа въ глазахъ русскихъ солдатъ они были переодѣты въ русскую офицерскую форму съ чиномъ подпоручика. Это по преимуществу были французы, жившіе въ Россіи въ качествѣ парикмахеровъ, мэтръ-д'отелей и тому подобныхъ.

Видя полное паденіе офицерскаго авторитета, генераль Занкевичъ пригласилъ для революціоннаго увѣщеванія солдатъ русскихъ эмигрантовъ старыхъ временъ, жившихъ въ большомъ числѣ, главнымъ образомъ, на югѣ Франціи. Эти революціонные выходцы изъ Россіи, преимущественно послѣ 1905 года, состояли изъ социаль-революціонеровъ, социаль-демократовъ и частью явныхъ большевиковъ, какъ на примѣръ Тумановъ. Послѣдняя мѣра, противъ которой былъ генераль Лохвицкій, скорѣе дала отрицательные результаты. Эмигранты для поднятія къ себѣ довѣрія въ глазахъ солдатъ еще болѣе роняли авторитетъ офицеровъ.

Въ дни революціонныхъ увѣщеваній солдаты вспомнили о 6 разстрѣленныхъ по суду въ началѣ 1916 года подъ Марселемъ. Ихъ тѣла вырыли на стрѣльбищѣ лагеря Mailly, въ красныхъ гробахъ доставили въ Парижъ, гдѣ въ процессіи съ красными знаменами пронесли черезъ весь городъ на одно изъ кладбищъ. На торжественныхъ похоронахъ присутствовали генераль Занкевичъ и военный агентъ графъ Игнатъевъ.

Французы недоумѣвали.

Однако всѣ увѣщеванія остались безплодными. Въ одинъ день, изъ за угрозы, почти всѣмъ офицерамъ пришлось изъ лагеря бѣжать, причемъ нѣкоторые были побиты.

Лагерь временно былъ предоставленъ самому себѣ. Начались разгромы продовольственныхъ и винныхъ складовъ и повальное пьянство.

Вмѣстѣ съ офицерами покинула лагерь большая часть солдатъ. Въ послѣдующіе дни изъ лагеря стали понемногу перебѣгать и въ концѣ концовъ оставила лагерь Куртинъ около половины солдатъ дивизіи, образовавъ въ 5-6 верстахъ новый лагерь, гдѣ изъ нихъ были сформированы два полка.

Затѣмъ подошли для усмиренія двѣ французскія батареи. Солдаты бунтовщики въ лагерь Куртинъ были предупреждены, что подвергнутся обстрѣлу, если не сложатъ оружіе. Два вѣрныхъ русскихъ полка, перешедшіе въ наступленіе на лагерь, были встрѣчены ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Тогда французская артиллерія открыла огонь по лагерю и подъ его прикрытіемъ два вѣрныхъ русскихъ полка возобновили свое наступленіе и заняли лагерь. Особенно сильное сопротивленіе было оказано бандой пьяныхъ солдатъ въ офицерскомъ гарнизонномъ собраніи, изъ погреба ко-

того приходилось выбивать даже ручными гранатами. Бунтовщики были разоружены. Общія потери убитыми и ранеными составили около 60 человекъ.

Для выясненія зачинщиковъ была назначена слѣдственная комиссія во главѣ съ предсѣдателемъ военнаго суда при русскихъ войскахъ генераль-маіоромъ Николаевымъ (бывшимъ Цеgefонъ-Мантейфель) и помощникомъ прокурора полковникомъ Лисовскимъ. Главные агитаторы и зачинщики, въ количествѣ 60—80 человекъ, были арестованы и отправлены въ тюрьму на Ile d'Ех въ устьи Жиронды близъ гор. Бордо.

Войска были переведены въ лагерь Курно близъ Аркашна, въ 3-хъ часахъ ѣзды отъ Бордо, во временный барачный лагерь, гдѣ имъ пришлось пережить холодную зиму въ старыхъ неотапливаемыхъ сырыхъ баракахъ. Митинги продолжались. Солдаты на фронтъ итти не хотѣли и постоянно требовали немедленнаго ихъ отправленія въ Россію. Въ тяжелыя минуты, когда возбужденіе очень подымалось и офицерамъ грозила опасность быть растерзанными, сообщалось по телефону въ ближайшую авіаціонную школу въ Casaux, находившуюся въ 8—10 километрахъ. Французскіе летчики, въ видѣ любезности, совершали въ большомъ числѣ на небольшой высотѣ полеты надъ лагеремъ и, наводя панику на солдатъ, вносили временное успокоеніе.

Въ концѣ концовъ французамъ надоѣло возиться съ бунтующими русскими войсками. Въ мартѣ 1918 года лагерь былъ оцѣпленъ французами и русскимъ было предложено: кто не желаетъ итти на фронтъ, тотъ пойдетъ на тыловыя работы по починкѣ дорогъ или на сельско-хозяйственныя работы, примѣрно на положеніи нѣмецкихъ военноплѣнныхъ. Тѣ, ко-

которые отказались куда-либо пойти, были отправлены на принудительныя работы въ Африку.

Изъ общаго числа русскихъ солдатъ, считая съ запасными до 30.000, большая часть ушла на тыловыя работы. Примѣрно около $\frac{1}{4}$ попало въ Африку. Совсѣмъ небольшая часть, около 1000—1500 человекъ, составила „Легіонъ Русской чести“ и отправилась на фронтъ.

Легіонъ Русской чести вошелъ въ составъ Марокканской дивизіи, гдѣ стяжалъ себѣ выдающуюся боевую славу. Легіонъ Русской чести получилъ на свое знамя всѣ французскія боевыя награды, въ томъ числѣ всѣмъ солдатамъ были дарованы красныя аксельбанты (fougaçèrè), какъ высшее боевое отличіе войсковой части. Этотъ легіонъ, хотя и несъ большія потери, все время пополнялся добровольцами изъ состава русскихъ войскъ во Франціи и оставался на фронтѣ до конца войны. Имя легіона Русской чести увѣковѣчено на одномъ изъ французскихъ военныхъ памятниковъ на поляхъ сраженія, а бывшіе участники легіона и сейчасъ принимаютъ участіе во всѣхъ торжественныхъ процессіяхъ наравнѣ съ французскими комбатантами.

Послѣ заключенія мира легіонъ Русской чести сильно пополнился русскими солдатами изъ числа, бывшихъ въ тылу, и въ видѣ особаго полка былъ отправленъ въ Добровольческую армію. Прибывъ въ Екатеринодаръ, полкъ изъ бывшихъ легіонеровъ былъ привѣтствованъ генераломъ Деникинымъ на смотру. Будучи отлично обмундированъ и снаряженъ, а внѣшне выправленъ, онъ представился какъ блестящая войсковая часть, на которую возлагали большія надежды. Однако послѣ перваго боя, перебивъ часть офицеровъ, полкъ перешелъ къ большевикамъ.

Изъ остальныхъ русскихъ часть была отправлена большевиками на родину черезъ Одессу, а многіе, преимущественно изъ работавшихъ на сельско-хозяйственныхъ работахъ, женились на вдовахъ французскихъ солдатъ, павшихъ въ бою, сдѣлались фермерами и осѣли во Франціи. Они сильно офранцузились и въ настоящее время мало отличаются отъ коренныхъ французовъ.

Бывшіе въ Африкѣ, частью погибли отъ тяжелыхъ жизненныхъ условій, а многіе, попавъ въ Африканскій Иностраннй легіонъ, сложили въ немъ свои головы.

Среди русскихъ солдатъ, подчиненныхъ коменданту Тулона, въ миниатюрѣ переживалось все то же, что въ войскахъ русской дивизіи. На почвѣ задержки введенія комитетовъ, выдачи винныхъ денегъ и т. п. создались тренія между генераломъ Занкевичемъ и русскимъ комендантомъ Тулона.

Когда генераль Занкевичъ потребовалъ немедленнаго снятія ареста надъ арестованными въ Іерѣ, то подполковникъ Тавастшерна просилъ о высылкѣ ему замѣстителя, указавъ, что до его прибытія онъ ареста не сниметъ, комитетовъ не введетъ и винныхъ денегъ за прошлое выдавать не будетъ. Замѣстителемъ былъ назначенъ полковникъ Гарновскій, прибывшій въ Тулонъ примѣрно черезъ мѣсяць (январь-февраль 1918 года).

По сдачѣ должности коменданта подполковникъ Тавастшерна былъ причисленъ къ запасной бригадѣ въ лагерѣ Курно и находился въ распоряженіи генерала Лохвицкаго, живя въ Аркашонѣ. Такъ продолжалось примѣрно до 16 апрѣля 1918 года, когда лагерь былъ расформированъ.

Послѣ этого подполковникъ Тавастшерна подалъ прошеніе о переводѣ во француз-

скую армію. Въ виду того, что надеждъ на скорый переводъ не было, такъ какъ французское командованіе чинило большія препятствія, а русскій легіонъ въ отношеніи офицеровъ былъ укомплектованъ болѣе чѣмъ достаточно, то уѣхалъ на 3 мѣсяца въ Испанію.

По возвращеніи во Францію поступилъ во французскую школу „Centre d'Entrenement“ въ camp du Ruchard (около Тура), т. е. въ повторительную офицерскую школу для баталіонныхъ и ротныхъ командировъ и младшихъ офицеровъ, долго отсутствовавшихъ изъ строя изъ за ранъ и болѣзней. На курсахъ знакомили со всѣми послѣдними усовершенствованіями и принятыми на фронтѣ нововведеніями. Длительность курсовъ составляла 2¹/₂ мѣсяца.

Такимъ образомъ подполковникъ Тавастшерна былъ принятъ во французскую армію à titre Etranger и ассимилированъ въ чинѣ commandant (маіоръ)-французской арміи. По прохожденіи курса ротныхъ и баталіонныхъ командировъ былъ командированъ въ депо иностраннаго легіона въ „Sousse“ въ Алжирѣ для перевода оттуда на фронтъ. Въ иностранномъ легіонѣ добрая половина состояла изъ русскихъ, испанцевъ, поляковъ, швейцарцевъ и другихъ; кадръ состоялъ изъ французскихъ унтеръ-офицеровъ.

Въ депо иностраннаго легіона Тавастшерна былъ назначенъ начальникомъ эшелона двухъ запасныхъ баталіоновъ, направляемыхъ на фронтъ для укомплектованія Марокканской дивизіи и русскаго легіона.

Въ Sousse для посадки эшелона былъ назначенъ угольщикъ, въ трюмѣ котораго было много угольной пыли. Съ заявленіемъ начальника эшелона о желательности замѣны судна или отсрочки въ его отправкѣ для предвари-

тельной очистки судна — командиръ порта не согласился. Изъ за угольной пыли при посадкѣ поднялось возбужденіе, принявшее довольно острый характеръ. При усмиреніи его одинъ изъ командировъ ротъ, по національности швейцарецъ, ударилъ одного изъ солдатъ кистенемъ по лицу и выбилъ ему глазъ. Послѣ этого волненіе еще болѣе усилилось и явилась угроза вооруженнаго сопротивленія. Тогда было приказано составить ружья. Эшелонъ былъ разоруженъ и подъ давленіемъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ посаженъ на транспортъ безоружнымъ. Ружья же были погружены на транспортъ отдѣльно и къ нимъ приставленъ караулъ изъ унтеръ-офицеровъ. По прибытіи въ Марсель о происшедшемъ было донесено командующему XV округомъ. Послѣдній немедленно произвелъ разслѣдованіе и назначилъ судъ, постановленіемъ котораго 5 солдатъ, наиболѣе виновныхъ, было разстрѣлено. Послѣ этого эшелонъ былъ доставленъ на фронтъ въ резервъ Марокканской дивизіи (примѣрно іюль 1918 года).

Самъ начальникъ эшелона долженъ былъ остаться въ резервѣ Марокканской дивизіи въ ожиданіи назначенія или въ Русскій легіонъ, или въ Иностранннй легіонъ, или въ другую часть Марокканской дивизіи. По совѣту начальника дивизіи былъ откомандированъ въ Парижъ, такъ какъ былъ предупрежденъ, что въ бою его могутъ подстрѣлить въ затылокъ.

Находясь въ депо въ Парижѣ, Тавастшер-на, по предложенію и при содѣйствіи полковника русской службы Дюсиметьера, поступилъ въ авіаціонную школу „camp d'Avord“, гдѣ въ теченіе 1½ мѣсяцевъ прошелъ курсъ пилотажа. Затѣмъ былъ отправленъ на фронтъ Марокканской дивизіи въ качествѣ начальника отряда

„Mixture“ изъ 8 аэроплановъ, среди которыхъ было 4 русскихъ летчика, 2 польскихъ и 2 чехословацкихъ, и для связи — 1 французъ. Въ течение примѣрно 1½ мѣсяцевъ служилъ въ авіаціонномъ отрядѣ на фронтѣ. По заключеніи перемирія Марокканская дивизія была оттянута въ тылъ, а состоявшій при ней авіаціонный отрядъ — въ Туръ, гдѣ пробылъ около мѣсяца.

Въ Турѣ, въ штабъ-офицерской комнатѣ офицерскаго казино комендантъ города полковникъ, читая французскую газету, въ присутствіи Тавастшерна замѣтилъ: „что тамъ пишутъ про грабежи Красной арміи, когда Русская армія всегда занималась грабежами и въ военное, и даже мирное время, не получая жалованія, и этимъ жила“. На что Тавастшерна замѣтилъ, что, не входя въ обсужденіе правильности этого замѣчанія, онъ считаетъ его не тактичнымъ въ его присутствіи, какъ русскаго офицера. Комендантъ города на это ничего не сказалъ, лишь демонстративно съ газетой отвернулся.

На слѣдующій день, распоряженіемъ начальника округа, Тавастшерна былъ арестованъ при военной тюрьмѣ, замѣняющей нашу гауптвахту, на 10 сутокъ за сдѣланное замѣчаніе старшему въ чинѣ. По отбытіи наказанія Тавастшерна взялъ отпускъ, поѣхалъ въ Парижъ и подалъ рапортъ военному министру Клемансо, считая свой арестъ необоснованнымъ и себя обиженнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ о своей немедленной демобилизаци изъ французской арміи. Клемансо въ свою очередь нашелъ рапортъ рѣзкимъ и недисциплинированнымъ. Дѣло было улажено заступничествомъ генерала Щербачева.

Въ началѣ 1919 года состоялась демобилизація Тавастшерна изъ французской арміи.

Б) Служба въ Добровольческой арміи.

Въ апрѣлѣ 1919 года Тавастшерна поступилъ начальникомъ шифровальнаго отдѣленія генерала Щербачева, бывшаго представителемъ Верховнаго Правительства при французской арміи, и Совѣта русскихъ пословъ (Сазоновъ, Бахметьевъ и др.). Въ этой должности оставался до августа 1919 года.

Въ концѣ августа 1919 года направился черезъ Марсель и Новороссійскъ въ Добровольческую армію. Оттуда первоначально былъ направленъ курьеромъ въ Сибирскую армію, но пароходъ Добровольнаго флота Саратовъ, добравшись до Портъ-Саида, изъ за измѣнившейся политической обстановки на Дальнемъ Востокѣ, вернулся обратно въ Новороссійскъ. Затѣмъ сталъ пробираться изъ Таганрога на Кіевъ, гдѣ находился Гвардейскій отрядъ. Добравшись до станціи Лозовой, далѣе проѣхать не могъ, такъ какъ раіоны Лозовой и далѣе были заняты бандами Махно. Вернувшись обратно въ Таганрогъ, направился черезъ Новороссійскъ до Севастополя и далѣе на другомъ пароходѣ въ Одессу, куда прибылъ въ концѣ декабря 1919 года.

Въ это время командующимъ войсками Новороссіи состоялъ генераль-лейтенантъ Шиллингъ. Въ помощь ему начальникомъ внутренней обороны города Одессы былъ назначенъ полковникъ Стессель, исполнявшій эту должность съ начала ноября мѣсяца. На подступахъ къ Одессѣ стояла армія генерала Бредова, въ составъ которой входилъ Гвардейскій отрядъ.

Непосредственнаго наступленія на Одессу со стороны большевиковъ не было, фактическая связь съ ними не сохранялась. Небольшой отрядъ большевиковъ имѣлся лишь со стороны

Херсона, въ сторону котораго былъ высланъ Гвардейскій отрядъ. Въ самой Одессѣ было крайне неспокойно. По ночамъ шла стрѣльба. Въ рабочихъ районахъ, Молдаванка и Пересыпь, происходили постоянныя вспышки рабочихъ возстаній.

Одесса для внутренней обороны была подраздѣлена на 8 комендантскихъ участковъ. Каждый комендантъ имѣлъ въ своемъ подчиненіи комендантскую команду разнаго состава и численности, примѣрно отъ 50 до 400 человекъ. Градоначальникомъ Одессы состоялъ генералъ Штемпель (артиллеристъ), находившійся въ подчиненіи начальника внутренней обороны города и имѣвшій въ своемъ распоряженіи государственную стражу.

Полковникъ Тавастшерна, явившись къ полковнику Стесселю, былъ назначенъ штаб-офицеромъ для особыхъ порученій при начальникѣ внутренней обороны. Порученія сводились, главнымъ образомъ, къ подавленію возстаній, такъ какъ коменданты своими силами часто не справлялись. Штабъ внутренней обороны имѣлъ свою непосредственно ей подчиненную команду, примѣрно въ 1 роту. Когда раздавались тревожные звонки, то полковникъ Стессель обыкновенно обращался къ полковнику Тавастшерна съ словами: „поѣзжай, посмотри и ликвидируй“. Подавались два грузовыхъ автомобиля для команды и легковой для 3-4 болѣе энергичныхъ сопутствующихъ офицеровъ. Районъ возстанія оцѣплялся, сквозь него проходили цѣпью, всѣхъ вооруженныхъ арестовывали и разстрѣливали. Особо сильнаго сопротивленія большею частью не было. Главнымъ образомъ имѣли мѣсто хулиганство и грабежъ лавокъ.

Такъ продолжалось до начала января 1920 года, когда генераль Бредовъ, остававшійся въ подчиненіи генерала Деникина, не убѣдился въ невозможности эвакуаціи и переѣзда арміи въ Крымъ. Рѣшивъ, что ему здѣсь болѣе дѣлать нечего и не получивъ благопріятныхъ вѣстей съ Румынской границы, онъ рѣшилъ двинуться со своимъ отрядомъ на Польшу.

Послѣ ухода арміи Бредова на учетъ въ Одессѣ оказалось 30.000 офицеровъ. На требованіе начальника обороны они являлись, получали отъ соотвѣтствующаго коменданта обмундированіе и снаряженіе, иногда подъемныя деньги, съ предписаніемъ явиться на сборные пункты. Взамѣнъ того большею частью расходились по домамъ, ожидая эвакуацію.

Числа 23 января контр-развѣдка дала знать, что на скаковомъ ипподромѣ собирается большая группа спекулянтовъ, большое количество офицеровъ и весь составъ двухъ конскихъ запасовъ, бывшихъ въ Одессѣ, — около 600 лошадей, для самовольнаго ухода въ Румынію, рассчитывая за уступленныхъ лошадей получить отъ Румынскаго правительства пропускъ. Начальникъ обороны, получивъ это свѣдѣніе, приказалъ этому противодѣйствовать и всѣхъ виновныхъ арестовать. Надо принять во вниманіе, что дѣйствовалъ приказъ генерала Деникина, по которому сумма разрѣшаемыхъ къ вывозу за границу цѣнностей была ограничена. Этимъ и объясняется стремленіе спекулянтовъ объединиться съ вооруженными офицерами и вмѣстѣ съ ними перейти Румынскую границу, получивъ отъ румынъ пропускъ за счетъ казенныхъ лошадей конскаго запаса. Таковой сговоръ былъ конечно незаконенъ.

Полковникъ Тавастшерна, прибывъ на разсвѣтъ на ипподромъ съ частью комендантской

команды и съ отрядомъ „Возрожденія Россіи“, подъ командой полковника л.-гв. Финляндскаго полка Лукина, обнаружилъ вышеуказанную группу людей и лошадей. Оцѣпивъ ипподромъ, приступили къ повѣркѣ документовъ и отобранію оружія. Многіе офицеры отказывались сдать оружіе, въ особенности начальникъ конскаго запаса. Вся группа людей, около 400 человекъ, и лошадей была отправлена подъ конвоемъ въ находящееся недалеко зданіе Сергіевскаго артиллерійскаго училища, гдѣ оставлены подъ арестомъ впредь до распоряженія. Вести всю группу людей въ штабъ обороны не было возможности, такъ какъ въ Вокзальномъ районѣ, черезъ который ихъ надо было вести, шло частичное возстаніе, слышались пулеметная стрѣльба и разрывы ручныхъ гранатъ. Позвонивъ по телефону въ штабъ обороны и сообщивъ о выполненіи порученія, полковникъ Тавастшерна получилъ указаніе, что для разслѣдованія и конфискаціи имущества придутъ чины контръ-развѣдки, а ему самому отправиться въ Вокзальный районъ, гдѣ ликвидировать очередное возстаніе, что и было выполнено безъ особаго труда.

Арестованные, послѣ опроса и отобранія контръ-развѣдкой незаконныхъ цѣнностей, были на другой день, распоряженіемъ генерала Шиллинга, освобождены.

Въ числѣ задержанныхъ лошадей оказалась также скаковая конюшня ротмистра Ахтырскаго гусарскаго полка Скачкова. Такъ какъ Одессу черезъ 2 дня оставили, то вслѣдствіе вынужденной обидной задержки лошадей до выясненія онъ потерялъ всю свою цѣнную конюшню.

Къ сожалѣнію, во главѣ контръ-развѣдки находились недостойныя люди. Въ началѣ января 1919 г. начальникомъ контръ-развѣдки въ

Одессѣ состоялъ статскій совѣтникъ Кирпичниковъ. Послѣдній былъ заподозренъ въ томъ, что за взятки выпускаетъ большевицкихъ эмиссаровъ. При негласномъ обыскѣ, произведенномъ у него на квартирѣ, была обнаружена переписка, изъ которой выяснилось, что онъ съ своимъ корреспондентомъ дѣлится доходами. Предавать дѣло огласкѣ и тѣмъ окончательно скомпрометировать и безъ того мало популярную власть было нежелательно. Черезъ нѣсколько дней Кирпичниковъ, ѣхавшій въ автомобилѣ, былъ на улицѣ убитъ. Его замѣститель и будущій начальникъ контръ-развѣдки, нѣкто Арзамасовъ, оказался впоследствии большевикомъ и перешелъ на ихъ сторону.

Позже и начальникъ обороны полковникъ Стессель, и полковникъ Тавастшерна имѣли непріятности изъ за произведенныхъ на ипподромѣ арестовъ.

Полковнику Стесселю, прибывшему впоследствии въ Крымъ къ генералу Врангелю черезъ Румынію и Сербію, было предъявлено обвиненіе въ незаконномъ распоряженіи отобранными цѣнностями. Было назначено слѣдствіе подъ руководствомъ генерала Кононовича. Послѣднимъ это разслѣдованіе было направлено къ прекращенію, такъ какъ было доказано, что полковникъ Стессель отобранными цѣнностями не пользовался. Полковникъ Тавастшерна, находясь въ Румыніи, былъ опознанъ однимъ евреемъ Хаисъ, какъ арестовавшій его на ипподромѣ, и, по требованію послѣдняго, арестованъ румынскими властями съ обвиненіемъ въ присвоеніи что то около 60.000.000 рублей. Но такъ какъ полковникъ Тавастшерна, арестовавшій по приказанію начальника обороны всѣхъ бывшихъ на ипподромѣ лицъ, фактически никакого отношенія къ конфискаціи цѣнностей не имѣлъ,

то вскорѣ и былъ освобожденъ за полной необоснованностью обвиненія.

Послѣ ухода отряда генерала Бредова начались въ Одессѣ самочинныя формированія украинцевъ и галичанъ нѣкими, кажется, прапорщикомъ Струкомъ, и именовавшимъ себя генераломъ Сѣкира-Яхонтовымъ. Эти отряды предназначались для соединенія съ Петлюрой, отошедшимъ въ Галицію. За отсутствіемъ реальной силы нельзя было противодѣйствовать никакимъ формированіямъ. Начинаясь агонія. Составъ государственной стражи и комендантскихъ командъ сталъ замѣтно рѣдѣть.

Днемъ, 24-го января, было получено приказаніе отъ начальника штаба обороны полковника Мамонтова воздвигнуть на Соборной площади висѣлицу. Такъ какъ у полковника Тавастшерна не было соотвѣтствующихъ матеріаловъ, то онъ обратился съ этимъ приказаніемъ къ командиру Портоваго раіона Одесской государственной стражи (одинъ изъ полицеймейстеровъ) полковнику N, на что послѣдній отвѣтилъ, что выполнить это распоряженіе не можетъ, такъ какъ команды стражниковъ и офицерскаго отряда, находившіяся въ его распоряженіи, самовольно перешли въ отрядъ Струка, въ чемъ онъ и выдалъ слѣдующее удостовѣреніе :

„Въ виду того, что команды стражниковъ и офицерскаго отряда перешли на службу самовольно въ отрядъ Струка, не представляется возможнымъ исполнить приказаніе Начальника Обороны города объ устройствѣ висѣлицы на Соборной площади.

24 января
1920 года.

Командиръ Портоваго раіона
Одесской Государственной стражи
(подпись не разборчива)“

Приложена круглая печать съ двуглавымъ государственнымъ орломъ и надписью по обводу „Штабъ гарнизона города Одессы“.

На бумагѣ имѣется резолюція полковника Мамонтова синимъ карандашомъ:

„24/I. Построить самимъ. Н. М.“

Вернувшись обратно въ штабъ обороны, полковникъ Тавастшерна получилъ подтвержденіе приказанія. Тогда онъ вызвалъ изъ болтавшихся у штаба людей охотниковъ ему помочь. Направившись съ ними на лѣсную биржу за матеріалами, по дорогѣ зашелъ въ „Осваг“, гдѣ заказалъ какому то художнику-еврею изъ картона громадныхъ размѣровъ вывѣску, съ надписью: „Предателямъ и измѣнникамъ Родины“. Висѣлица на 12 мѣстъ была построена и вывѣска прибита. Въ тотъ же вечеръ, для острастки населенія, было повѣшено семь человѣкъ большевиковъ изъ приговоренныхъ судомъ къ смерти.

Съ ранняго утра, 25 января, начали поступать въ штабъ обороны донесенія изъ всѣхъ комендантуръ о начавшихся возстаніяхъ. Въ городѣ со всѣхъ сторонъ были слышны стрѣльба и взрывы гранатъ. Къ штабу обороны, находившемуся въ зданіи Англійскаго клуба, на углу Пушкинской и Театральной улицъ, начали стягиваться остатки комендантскихъ командъ. Откуда то появились два полевыхъ орудія и какія то броневыя машины, о наличности которыхъ штабу обороны ничего не было извѣстно. Орудія поставили: одно — вдоль Пушкинской улицы, другое — вдоль Ланжероновской, какъ на наиболѣе вѣроятныхъ путяхъ подхода къ штабу обороны. Орудія эти отъ времени до времени пострѣливали, для собственнаго успокоенія и устрашенія большевиковъ. Изрѣдка посвистывали пули.

Примѣрно въ 12 часовъ дня чины штаба обороны и небольшая группа оставшихся въ Одессѣ офицеровъ гвардіи, челоуѣкъ 15-20, начали отходъ на Одесскіе молы и остановились на Карантинномъ молу. Здѣсь стоялъ пароходъ Владиміръ, мѣста на который брались съ боя. Онъ былъ переполненъ пассажирами: люди висѣли на шлюпкахъ, на трапахъ, на вантахъ.

Въ это время со стороны Николаевскаго бульвара, примѣрно съ 2000 шаговъ, начался обстрѣлъ изъ нѣсколькихъ пулеметовъ. Были убитые и раненые. Пароходъ Владиміръ, на который генералъ Шиллингъ, командующій войсками Новороссіи, уже погрузился заблаговременно, сталъ спѣшно отходить. Нѣсколько челоуѣкъ упало съ парохода въ море. У сосѣдняго мола стоялъ англійскій броненосный крейсеръ „Irresistible“, на который никого не пускали. Матросы всѣхъ, пытавшихся пробраться на крейсеръ, отбивали прикладами. Когда начался пулеметный огонь, то крейсеръ, стоявшій носомъ къ выходу, далъ полный ходъ и, порвавъ всѣ концы, вышелъ на рейдъ, панически отстрѣливаясь изъ какого-то пулемета.

На молахъ началась общая паника. Женщины и дѣти рыдали. Большинство офицеровъ начало рвать на себѣ погоны, петлицы, пуговицы и вообще уничтожать всѣ внѣшніе признаки офицерскаго званія. Все это полетѣло въ море.

На трехъ молахъ (Карантинномъ, Хлѣбномъ и третьемъ) было около 15-20.000 челоуѣкъ, изъ которыхъ около половины офицеровъ. Надо было что нибудь сдѣлать.

Полковникъ Стессель, расположившись въ маленькомъ кирпичномъ таможенномъ зданіи, пригласилъ къ себѣ присутствовавшихъ тутъ же офицеровъ гвардіи. Было рѣшено, какими

угодно средствами, вплоть до разстрѣла на мѣстѣ, захватить въ свои руки обезумѣвшую массу, сформировать цѣпи и начать наступленіе къ Николаевскому бульвару. Гвардейскіе офицеры, бисто разойдясь по толпѣ, увѣщеваніями и угрозами собрали, кто сколько могъ, вокругъ себя людей, всѣхъ имѣвшихъ при себѣ оружіе военныхъ и штатскихъ. Много оружія, брошеннаго въ паникѣ, можно было здѣсь же на молахъ подобрать. Большую энергію при этомъ проявили л.-гв. Гренадерскаго полка полковникъ Вашадзе, л.-гв. 4-го стр. Императорской Фамиліи полка полковникъ фонъ Энденъ и л.-гв. 3-го стр. Его Величества полка полковникъ Глиндскій.

Появленіе быстро наступавшихъ по направленію къ Николаевскому бульвару цѣпей ободрило находящихся на молахъ и напугало большевиковъ, выкатившихъ брошенную у штаба обороны пушку и успѣвшихъ уже произвести изъ нея нѣсколько выстрѣловъ по моламъ.

Въ это время полковникомъ Тавастшерна было сдѣлано предложеніе полковнику Стеселю сдѣлать на автомобиляхъ на-короткѣ налетъ на Одессу, какъ это ранѣе практиковалось при подавленіи возстаній, и терроризировать большевиковъ въ городѣ. Получивъ согласіе, полковникъ Тавастшерна влѣзъ на крышу таможеннаго зданія, съ которой обратился къ толпѣ: „Кто за мной въ налетъ на Одессу, только съ оружіемъ, дѣлать что угодно, наша задача учинить бѣлый терроръ; есть желающіе!“ Изъ толпы поднялось много рукъ.

Спустившись внизъ, онъ насчиталъ больше желающихъ, чѣмъ было нужно. На молахъ можно было найти все необходимое. Безъ особаго труда была найдена брошенная въ полной исправности броневая машина, носившая названіе „Россія“. Немедленно объявились шоферъ,

два пулеметчика къ находившимся въ вращающейся башенкѣ пулеметамъ, артиллеристъ къ 3-хъ дюймовой горной пушкѣ машины и командиръ машины, штабсъ-капитанъ броневое дивизиона. Остальные люди, разнообразно вооруженные, частью съ пулеметными лентами черезъ плечо, размѣстились на 3-хъ грузовыхъ платформахъ. Въ каждой машинѣ одинъ изъ офицеровъ былъ назначенъ за старшаго. Самъ же полковникъ Тавастшерна съ 5-6 офицерами и однимъ пулеметомъ устроились на великолѣпной, сильной, открытой, легковой машинѣ „Mercedes“.

Когда все было готово, двинулись въ путь. Впереди слѣдовала броневая машина, за ней легковая и далѣе 3 грузовика. Все это несло полнымъ ходомъ съ дикимъ ревомъ и крикомъ и выстрѣлами куда попало.

Поднявшись по Канатному спуску и оказавшись на Пушкинской улицѣ у штаба обороны, сбросили съ бульвара внизъ подъ откосъ стрѣлявшую ранѣе и брошенную большевиками пушку. Въ это время изъ слуховаго окна зданія театра по отряду былъ открытъ сильный пулеметный огонь. Броневая машина развернувшись третьимъ выстрѣломъ гранатой сбила пулеметъ. Отрядъ помчался далѣе по Ланжероновской улицѣ. Городъ казался вымершимъ, только яркоосвѣщенные окна двухъ большихъ кафе „Фанкони“ и „Робина“, наполненныхъ какими-то подозрительными людьми, обращали на себя вниманіе. Еще моментъ и отъ оконъ ничего не осталось, только были слышны какіе-то крики изъ темноты. Въ это время къ памятнику Екатерины выѣхала большевицкая тачанка съ пулеметомъ, открывшимъ очень мѣткій огонь. Появились раненые. На легковой машинѣ отряда былъ убитъ одинъ

изъ братьевъ Бекъ-Набалджанъ. Поставивъ грузовики за перекрестокъ внѣ огня, было приказано броневой машинѣ сбить тачанку, что ею и было быстро выполнено однимъ пулеметнымъ огнемъ. Тачанка неожиданно загорѣлась какъ факель, видимо на ней былъ бензинъ или спиртъ. Подъѣхавъ къ ней, ничего кромѣ перебитой прислуги и лошадей не нашли.

Вернулись обратно на Екатерининскую улицу. Въ моментъ, когда броневая машина проскочила уголъ Греческой, совсѣмъ близко раздался орудійный выстрѣлъ, сопровождавшійся шумомъ битаго стекла. Остановивъ грузовики и проскочивъ съ легкой машиной перекрестокъ, полковникъ Тавастшерна увидѣлъ вправо, шагахъ въ 40, пушку, которая вновь выстрѣлила. Остановившись по ту сторону перекрестка, было приказано людямъ спѣшиться съ грузовиковъ. Съ крикомъ „ура“ всѣ бросились на пушку. Въ это время раздался новый выстрѣлъ—перелетъ. Когда подбѣжали къ пушкѣ, то она была снова заряжена, но растерявшійся большевикъ не успѣлъ произвести выстрѣла. При пушкѣ было захвачено около 12 человекъ, большинство въ штатскомъ или же въ шинеляхъ безъ отличій; они на мѣстѣ были уничтожены. Въ это время, одинъ изъ офицеровъ, бывшихъ въ легковомъ автомобилѣ, подъесаулъ Терскаго войска Афанасьевъ, очень эффектно одѣтый въ черную черкеску съ дорогимъ наборомъ и прекраснымъ оружіемъ, съ помощью другого брата Бекъ-Набалджана, заворачивали хоботъ орудія, и не успѣлъ полковникъ Тавастшерна опомниться, какъ орудіе было разряжено въ громадный ювелирный магазинъ, закрытый тяжелыми желѣзными ставнями. Разбитыя ставни пали и въ нѣдры магазина бросились люди. Еще моментъ и полковникъ Тавастшерна остался

одинъ, если не считать одного штатскаго господина О., который, выѣхавъ въ котелкѣ и дохѣ совершенно безъ оружія, лихо бросился однимъ изъ первыхъ на пушку. Положеніе было критическое. Появись хоть небольшая кучка большевиковъ и отъ присутствовавшихъ ничего не осталось бы. Это понялъ даже О., растерянно смотрѣвшій по сторонамъ. Зайдя вдвоемъ въ сосѣдній дворъ, они тамъ увидѣли стоявшій зарядный ящикъ и нѣсколько бродящихъ человѣкъ изъ ихъ команды. Видя единственное средство вновь собрать своихъ людей производствомъ какого-нибудь шума или взрыва, полковникъ Тавастшерна приказалъ поискать въ подвалахъ что-либо горючее, сѣно или солому, подложить подъ зарядный ящикъ и, обливъ бензиномъ, зажечь. Минуты черезъ двѣ, выскочивъ изъ двора на улицу, стали ожидать взрывовъ. Какъ только раздались взрывы, то изъ всѣхъ сосѣднихъ подъѣздовъ, а главнымъ образомъ изъ ювелирнаго магазина съ испуганными лицами начали выскакивать люди отряда. Сбравшись снова, двинулись къ Соборной площади.

По Соборной площади бѣжали какіе-то люди отстрѣливаясь. Пославъ одинъ изъ грузчиковъ въ объѣздъ Соборной площади и оцѣпивъ площадь, было задержано до 30-40 человѣкъ, изъ которыхъ примѣрно у 15-ти было найдено оружіе. Повѣшенные накануне продолжали висѣть; была лишь сорвана вывѣска. Найденныхъ при оружіи потащили къ висѣлицѣ и черезъ нѣкоторое время всѣ свободныя мѣста были заняты. Какой-то еврей плаксивымъ голосомъ кричалъ, — „зачѣмъ вы меня хотите убить, я вамъ лучше покажу, гдѣ находится Ч. К.“ Последняя уже засѣдала въ зданіи Городской Думы. Пріѣхавъ туда и оцѣпивъ зданіе, удалось

уничтожить цѣликомъ весь составъ чеки и освободить 18 арестованныхъ, въ томъ числѣ: военнаго юриста генераль-лейтенанта Абрамова, начальника Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ инженера дѣйствительнаго-статскаго совѣтника Шмидта, жандармскаго генерала Иванова съ женой и другихъ.

Далѣе отрядъ проѣхалъ на Молдаванку и Пересыпь, а также къ вокзалу и тюрьмѣ, т. е. въ самые большевицкіе раіоны, сопровождая все это стрѣльбой изъ пулеметовъ и ружей, а въ вокзалъ и тюрьму для вѣрности было пущено по 2-3 снаряда изъ орудія. Послѣ этого отрядъ въ спѣшномъ порядкѣ возвратился къ моламъ, причемъ былъ обстрѣлянъ изъ прикрывавшихъ его цѣпей, принявшихъ свои автомобили за большевицкіе. На все это потребовалось около 3-хъ часовъ, примѣрно отъ 4 ч. дня до 7 ч. вечера.

Прибывъ къ полковнику Стесселю, начальникъ отряда доложилъ, что, по его мнѣнію, выступя немедленно съ моловъ, можно пройти черезъ Одессу безъ выстрѣла.

За время отсутствія автомобильнаго отряда, къ молу подходилъ ледоколъ съ начальникомъ англійской военной миссіи и предложилъ полковнику Стесселю съ чинами штаба обороны и ихъ семьями перейти на ледоколъ. Полковникъ Стессель категорически отказался отъ этого предложенія, считая себя не вправѣ бросать на произволъ судьбы всѣхъ собравшихся на молахъ, и просилъ погрузить на ледоколъ тяжело больныхъ, раненыхъ и частью женщинъ. Всего на ледоколъ помѣстилось до 250 человекъ. Не обошлось безъ свалки, когда нѣкоторые здоровые мужчины бросились на ледоколъ чуть ли не въ первую очередь, расталкивая ране-

ныхъ и женщинъ. Съ большимъ трудомъ удалось установить порядокъ.

Полковникъ Стессель просилъ начальника англійской военной миссіи только объ одномъ — исходатайствовать у Румынскаго правительства пропускъ отряду для интернированія въ Румыніи. Начальникъ англійской военной миссіи завѣрилъ полковника Стесселя словомъ англійскаго генерала, что это будетъ сдѣлано.

Вскорѣ послѣ возвращенія автомобильнаго отряда собравшаяся на молахъ толпа людей въ 8—10.000 человекъ, имѣя впереди полковника Стесселя, двинулась съ молось черезъ Одессу къ Румынской границѣ. Въ авангардѣ слѣдовалъ автомобильный отрядъ.

Колонна людей съ ихъ имуществомъ имѣла крайне пестрый видъ. Чего тутъ только не было: повозки, на которыхъ можно было видѣть такія громоздкія вещи, какъ фортепіано, буфеты и разную мебель, цѣлый караванъ откуда-то взявшихся верблюдовъ и т. п. Обозъ вытягивался безконечно. Когда голова уже выходила изъ Одессы, то хвостъ еще не сдвинулся съ молось.

Предположенія, что послѣ короткаго налета автомобильнаго отряда на Одессу колонна можетъ спокойно прослѣдовать черезъ городъ, вполне оправдались. Лишь при подходѣ авангарда къ Куликову полю начался съ противоположной стороны пулеметный огонь. Оставивъ здѣсь одну грузовую платформу съ замѣстителемъ и около 30 человекъ команды, начальникъ отряда съ остальными машинами быстро помчался въ объѣздъ. Пользуясь окружающими поле улицами, отрядъ незамѣтно подѣхалъ съ тыла къ группѣ людей съ пулеметомъ. Это былъ десятокъ молодыхъ людей, большею частью восточнаго типа, и исключительно красивая молодая еврейка. Послѣдняя стрѣляла изъ

пулемета и была такъ этимъ увлечена, что не понимала, что происходитъ, когда ее буквально сняли съ пулемета. Пулеметъ былъ захваченъ. Вся прислуга пулемета уничтожена, причемъ стрѣлявшей еврейкѣ подъесаулъ Афанасьевъ, перешедшій въ послѣдствіи къ большевикамъ, ударомъ кинжала сръзаль голову. Все это заняло не болѣе 15—20 минутъ.

Немного спустя, продолжая двигаться къ Большому Фонтану, были обстрѣяны изъ тюрьмы. Посланная броневая машина открыла въ свою очередь огонь, послѣ чего стрѣльба изъ тюрьмы прекратилась. Выяснилось, что карауль въ тюрьмѣ почему-то несутъ галичане изъ отряда Сѣкиры-Яхонтова. Въ тюрьмѣ продолжали сидѣть арестованные большевики. Галичанамъ было приказано выпустить всѣхъ уголовныхъ и ликвидировать политическихъ, что ими и было немедленно исполнено.

Отрядъ постепенно продолжалъ вытягиваться изъ Одессы. На походѣ вновь начали обозначаться какіе-то въ самомъ зачаточномъ состояніи маленькіе отряды съ громкими названіями: отрядъ „Священнаго Долга“, отряды „Возрожденія Россіи“, во главѣ которыхъ стояли: одного — В. В. Шульгинъ, другого — профессоръ Одинецъ. Отряды эти на походѣ постепенно стали принимать воинскій видъ и замѣтно увеличиваться. Нѣкоторые раіонные коменданты, какъ полковники Новицкій и Москвинъ, стали подбирать своихъ людей и вновь формироваться.

Дальнѣйшее наступленіе отъ Большого Фонтана къ Румынской границѣ, болѣе 100 верстъ, продолжалось двое сутокъ и, несмотря на продолжавшееся паническое настроеніе массы, прошло довольно стройно и относительно въ порядкѣ. Отрядъ сталъ сосредоточиваться въ городѣ Овидіополѣ на берегу Днѣстров-

скаго лимана, имѣвшаго здѣсь отъ 5-6 верстъ ширины и замерзшаго. На противоположномъ берегу лежала Румынія, куда были устремлены взоры и надежды всѣхъ собравшихся.

Въ Овидіополѣ, имѣвшемъ около 6500 жителей, отрядъ засталъ остатки 1-й пѣхотной Добровольческой дивизіи съ начальникомъ дивизіи генералъ-лейтенантомъ Васильевымъ и его начальникомъ штаба полковникомъ и около 2-хъ эскадроновъ 8-го гусарскаго Лубенскаго полка, подъ командой полковника Иеропеса. Въ Овидіополѣ къ отряду полковника Стесселя присоединились еще рота Гвардейскаго сапернаго баталіона, подъ командой капитана Поморскаго, случайно не ушедшая со всѣмъ Гвардейскимъ отрядомъ, входившимъ въ армію генерала Бредова. Рота гвардейскихъ саперъ являлась наиболѣе дисциплинированной и выдержанной частью и составила главный оплотъ полковника Стесселя. Всего въ отрядѣ полковника Стесселя съ гражданскимъ населеніемъ собралось около 8000 человѣкъ, а вмѣстѣ съ частями генерала Васильева до 10.000 человѣкъ.

Расположившись въ городѣ, отрядъ выставилъ сторожевое охраненіе къ сторонѣ большевиковъ. Немедленно же по прибытіи былъ посланъ на Румынскій берегъ въ городъ Аккерманъ полковникъ Мамонтовъ, начальникъ штаба отряда полковника Стесселя, для переговоровъ относительно перехода въ Румынію съ цѣлью интернированія.

Явившись обратно на вторые сутки, полковникъ Мамонтовъ доложилъ, что румыны ни въ коемъ случаѣ не пойдутъ на пропускъ отряда на румынскую территорію и что единственно о чемъ можно еще ихъ просить и о чемъ уже просилъ полковникъ Мамонтовъ — о переправѣ въ Румынію женщинъ и дѣтей. По-

слѣднее было весьма существенно, такъ какъ въ случаѣ дальнѣйшаго дальняго похода отряда въ суровую зиму въ Польшу женщины и дѣти являлись громадной обузой и чрезмѣрно связывали подвижность и дѣйствія отряда. Отправившись сейчасъ же вторично въ Аккерманъ и вернувшись на слѣдующій день, полковникъ Мамонтовъ доложилъ, что имъ послана на имя Румынской королевы телеграфная просьба относительно женщинъ и дѣтей и что мѣстное румынское командованіе, по его мнѣнію, отнеслось къ этой телеграммѣ очень сочувственно.

За время поѣздки Мамонтова, въ сосѣдней съ Овидіополемъ деревнѣ Маяки вспыхнуло возстаніе и Овидіополь подвергся изъ нея обстрѣлу изъ двухъ ранѣ брошенныхъ орудій. Среди мѣстнаго населенія Маяки находилось много моряковъ Черноморскаго флота. Въ Маяки былъ отправленъ съ броневой машиной л.-гв. 4-го стр. Императорской Фамиліи полка полковникъ фонъ Энденъ, которымъ вспыхнувшее возстаніе было ликвидировано.

Въ Овидіополѣ тоже было очень тревожно. Съ уходомъ полковника Москвина въ сторожевое охраненіе комендантомъ города былъ назначенъ полковникъ Тавастшерна. Въ городской управѣ подъесауломъ Афанасьевымъ былъ произведенъ самочинный арестъ и разстрѣлъ какихъ-то якобы большевиковъ, которые будто бы лазали на церковную колокольню, чтобы бить въ набатъ и тѣмъ дать сигналъ къ возстанію. 3-4 человѣка разстрѣлянныхъ были брошены на ледъ лимана. Самочинныя дѣйствія подъесаула Афанасьева вызвали еще большее волненіе среди мѣстнаго населенія.

На фронтѣ сторожевого охраненія стали видимо обозначаться какія-то регулярныя большевицкія части.

Все это вмѣстѣ взятое заставляло возможно скорѣе покинуть Овидіополь. Такъ какъ въ переговорахъ съ Румыніей уже было потеряно 3 дня, то рѣшили, не ожидая окончательнаго отвѣта отъ румынъ, отправить на тотъ берегъ женщинъ и дѣтей.

Изъ Одессы вмѣстѣ съ отрядомъ вышли почти весь Одесскій женскій институтъ и Сводно-Одесскій кадетскій корпусъ. Старшіе классы кадетъ стали въ строй, а маленькихъ кадетъ до 13-лѣтняго возраста было рѣшено отправить вмѣстѣ со всѣми женщинами въ Аккерманъ.

Колонна женщинъ и дѣтей, въ числѣ около 2000, имѣя во главѣ женскій институтъ, двинулась черезъ ледъ лимана. Всѣ смотрѣли на нихъ съ большой тревогой. Когда голова колонны подошла къ румынскому берегу на 500-600 шаговъ и когда съ румынскаго берега должно было быть видно невооруженнымъ глазомъ, что это женщины и дѣти, румыны по нимъ открыли артиллерійскій огонь изъ своихъ батарей. Ледъ былъ снарядами пробитъ. Сотни дѣтей и женщинъ были перебиты огнемъ, попадали въ воду и утонули. Лишь около половины, совершенно обезумѣвшихъ, вернулось обратно. Такъ какъ на льду Днѣстровскаго лимана видимо осталось лежать значительное число раненыхъ, то изъ Овидіополя была выслана команда санитаровъ съ санями подъ флагомъ Краснаго Креста. Санитарный отрядъ въ свою очередь былъ обстрѣлянъ румынами и не могъ оказать помощи раненымъ. Впослѣдствіи выяснилось, что небольшая часть изъ оставшихся на льду ночью все же проникла на румынскую территорію и затѣмъ была эвакуирована далѣе въ Югославію.

Послѣ такого пріема со стороны Румыніи надо было принять какое нибудь новое и бы-

строе рѣшеніе. Дальнѣйшее пребываніе въ Овидіополѣ становилось невозможнымъ. Наше сторожевое охраненіе тревожилось со стороны какихъ-то большевицкихъ бандъ, въ самомъ Овидіополѣ и въ окрестныхъ деревняхъ проявлялись выступленія мѣстныхъ большевиковъ.

Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ собрался военный совѣтъ изъ командировъ отдѣльныхъ частей, подъ предсѣдательствомъ генерала Васильева, какъ старшаго въ чинѣ. На совѣтѣ было рѣшено всѣмъ немедленно выступить и двигаться на сѣверъ въ Польшу по стопамъ арміи генерала Бредова, отъ которой насъ уже отдѣляло разстояніе въ 10 дней похода.

Изъ Овидіополя сборные отряды выступили на третій день пребыванія въ немъ.

Общаго командованія не было. Генераль Васильевъ командовалъ своимъ отрядомъ; полковникъ Стессель — своимъ. Общій голосъ былъ за объединеніе командованія въ рукахъ полковника Стесселя, какъ начальника болѣе энергичнаго и популярнаго; генераль Васильевъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ.

Отрядъ генерала Васильева состоялъ изъ 2-3 ротъ—остатковъ командуемой имъ дивизіи, 2 эскадроновъ Лубенскихъ гусаръ, общей численностью 60—80 сабель, подъ командой полковника Иеропеса, и 4-орудійной батареи съ весьма ограниченнымъ количествомъ снарядовъ. Въ отрядъ полковника Стесселя входили: начавшіе формироваться въ Одессѣ, затѣмъ растаявшіе и вновь образовавшіеся отряды „Возрожденія Россіи“, „Священнаго Долга“ и В. В. Шульгина, численностью каждый не болѣе роты мирнаго времени; четыре или пять комендантскихъ ротъ города Одессы, называвшіяся по фамиліямъ своихъ начальниковъ; броневой

автомобиль „Россія“, — машина которой была въ полномъ порядкѣ, команда на должной высотѣ, а командовалъ ею очень милый, энергичный и дѣльный капитанъ; оплотъ отряда составляла рота гвардейскихъ саперъ, имѣвшая вполнѣ воинскій видъ. Общее количество штыковъ обоихъ отрядовъ не превышало баталіона военнаго времени (800—1000 штыковъ). Отряды сопровождались обозами и лицами гражданскаго населенія, превышавшими численность отрядовъ въ 5-6 разъ. Несмотря на категорическій приказъ взять съ собою при выступленіи самое ограниченное число повозокъ, отряды вытянулись на 5-6 верстъ. Повозки съ роялями, буфетами и прочее были брошены въ Овидіополь, но конечно никто не могъ оставить своихъ близкихъ: стариковъ, женъ, дѣтей, сыпнотифозныхъ, раненыхъ и прочихъ; все это требовало повозокъ.

По выходѣ изъ Овидіополя конница полковника Іеропеса обнаружила начало высадки красной конной бригады Катовскаго на станціи Выгода, въ 1½ переходахъ къ сѣверо-востоку отъ Овидіополя. Видимо большевики учли оторванность Овидіопольскаго отряда отъ арміи Бредова и выслали спеціальныя отряды для его окруженія и поимки.

Въ связи съ этимъ было рѣшено форсировать первые два-три перехода. Условія похода при 10-15-градусномъ морозѣ, по разъявленнымъ проселкамъ съ колдобинами, при отсутствіи зимней одежды были невѣроятно тяжелы. Особенно жалко было смотрѣть на женщинъ и дѣтей.

Впереди слѣдовалъ отрядъ полковника Стесселя, позади — отрядъ генерала Васильева. Авангардомъ отряда полковника Стесселя командовалъ полковникъ Тавастшерна, находясь на броневой машинѣ „Россія“.

Отряды двигались вдоль Днѣстра, вверх по его теченію. Къ вечеру перваго дня, проходя мимо деревни Бѣляевки, расположенной на берегу Днѣстра, отрядъ подвергся слѣва обстрѣлу изъ деревни. Это было большой неожиданностью, такъ какъ всѣ мѣры охраненія принимались справа, со стороны ожидаемаго наступленія большевиковъ. Обстрѣлъ изъ Бѣляевки движеніе колонны мало задержалъ, такъ какъ прекратился послѣ 2-3 выстрѣловъ изъ орудія и обстрѣла изъ пулеметовъ броневика, видимо разогнавшихъ мѣстную большевицкую банду.

Такъ двигались день и ночь. На слѣдующій день, несмотря на замѣтную общую усталость, маршъ продолжался. Нужно было форсировать не менѣе трехъ переходовъ, чтобы оторваться отъ отряда Катовскаго. Вечеромъ втораго дня похода конница донесла, что была обстрѣлена и опять изъ деревни, расположенной на берегу Днѣстра. Всѣдствие этого было рѣшено встрѣтившуюся ночью на пути деревню обойти подале. Полковникъ Мамонтовъ, начальникъ штаба полковника Стесселя, отнесся къ донесеніямъ конницы скептически и съ нѣсколькими людьми охраны пошелъ на деревню, сказавъ: — „Вы какъ хотите, а я пойду напрямикъ“. Съ тѣхъ поръ онъ пропалъ. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ попалъ въ плѣнъ къ большевикамъ.

Движеніе продолжалось. Люди буквально валились отъ усталости, голода и холода. На разсвѣтъ третьяго дня марша отрядъ двигался на высотѣ станціи Выгода. Къ полдню голова колонны входила въ районъ богатыхъ на видъ нѣмецкихъ колоній: ближайшая — Кандель, далѣе, въ 1000 шагахъ къ сѣверу, колонія Зальценъ. Послѣ непрерывнаго похода въ 2¹/₂ дня

и 2 ночи, съ тремя-четырьмя привалами на 2 часа въ открытой степи и на морозѣ, было рѣшено остановиться, до вечера отдохнуть и подкормиться, благо въ колоніи все найдется. Такъ какъ отъ самаго Овидіополя впереди двигался отрядъ полковника Стесселя, а сзади слѣдоваль отрядъ генерала Васильева, то было предположено одновременно съ остановкой произвести смѣну отрядовъ. Отрядъ полковника Стесселя долженъ былъ остановиться на отдыхъ въ колоніи Кандель, а отрядъ генерала Васильева продвинуться впередъ въ колонію Зальценъ, откуда послѣ намѣченнаго отдыха уже слѣдовать далѣе впереди.

Въ связи съ намѣченнымъ планомъ отрядъ полковника Стесселя сталъ располагаться на отдыхъ въ колоніи Кандель, выдвинувъ къ окраинѣ колоніи, обращенной къ колоніи Зальценъ, дежурную часть — роту гвардейскихъ саперъ. Полковникъ Тавастшерна, слѣдовавшій на броневикѣ впереди, занялъ для полковника Стесселя и его жены въ колоніи Кандель хату лучше. Собравшись достали себѣ кой-какую закуску и только что приготовились къ трапезѣ, какъ надъ самымъ домомъ разорвалась очередь изъ 4-хъ шрапнелей. Выскочивъ изъ дома, убѣдились, что большевики обстрѣливаютъ со стороны колоніи Зальценъ. Къ этому времени отрядъ генерала Васильева, слѣдовавшій сзади, только сталъ втягиваться въ колонію Кандель.

Полковникъ Стессель немедленно побѣжалъ къ ротѣ гвардейскихъ саперъ, а полковникъ Тавастшерна — къ броневнику, чтобы съ нимъ выѣхать на позицію, но не успѣлъ, такъ какъ броневикъ уже самостоятельно двинулся. Одновременно большевики перешли на обстрѣлъ колоніи гранатой. Находясь отъ полковника

Стесселя на другой сторонѣ улицы, полковникъ Тавастшерна услышалъ страшный трескъ отъ разорвавшагося снаряда и увидалъ, какъ полковникъ Стессель исчезъ въ клубахъ дыма. Стоявшее рядомъ большое дерево было скошено и упало какъ снопъ. Казалось, что взрывомъ все сметено. Однако вскорѣ сквозъ дымъ послышалась крѣпкая ругань начальника отряда и еще черезъ моментъ онъ вновь появился невредимымъ.

Вдали было видно, какъ цѣпи саперъ бѣжали на сѣверную окраину колоніи Кандель, чтобы занять позицію. Въ самой колоніи творилось нѣчто невообразимое. Многочисленные обозы отряда полковника Стесселя и втягивавшагося въ деревню отряда генерала Васильева ее совсѣмъ забили. Нѣсколько удачно упавшихъ гранатъ перебило и переранило лошадей и людей на повозкахъ. Возницы бросали свои повозки и прятались за дома. Испуганная лошадь шарахалась въ сторону. Повозки сцеплялись между собою колесами, опрокидывались и окончательно все загромождали.

Одной роты гвардейскихъ саперъ было конечно недостаточно для прикрытія. Надо было выслать возможно большее число людей въ цѣпь, тѣмъ болѣе что и съ востока на горизонтѣ появились значительныя части красной конницы.

Схвативъ первую попавшуюся верховую лошадь, полковникъ Тавастшерна сталъ объѣзжать дома, розыскивая начальствующихъ лицъ и передавая имъ, отъ имени полковника Стесселя, приказаніе выслать цѣпи на сѣверную и восточную окраины деревни. Такъ какъ артиллерія была въ отрядѣ генерала Васильева, то полковникъ Тавастшерна поскакалъ къ послѣднему съ просьбой скорѣе направить одинъ

взводъ (2 орудія) на сѣверную оконечность колоніи. Пока ему удалось пробиться сквозь обозы и розыскать генерала Васильева, артиллерія сама выѣхала на позицію и открыла огонь по быстро приближавшейся съ востока конницѣ большевиковъ. Послѣдняя, видимо не ожидавшая артиллерійскаго огня, метнулась назадъ и скрылась. Черезъ нѣкоторое время взамѣнъ стали наступать пѣхотныя цѣпи, вѣроятно спѣшенной кавалеріи.

На сѣверный фронтъ противъ колоніи Зальценъ приходилось нагонять кого только можно съ оружіемъ въ рукахъ. Съ открытіемъ огня со стороны колоніи Кальденъ огонь большевиковъ изъ колоніи Зальценъ сталъ менѣе интенсивенъ и понемногу замолкалъ. Въ это время многіе стали оставлять свои цѣпи и возвращаться обратно въ колонію. Стоило большихъ трудовъ ихъ загонять обратно въ цѣпь. Люди, возвращавшіеся въ колонію, категорически заявляли, что имъ хочется ѣсть и спать и что они больше не могутъ. Былъ случай, когда какой-то штабсъ-капитанъ, которому полковникъ Тавастшерна пригрозилъ револьверомъ, если онъ не вернется въ цѣпь, послѣ отъѣзда Тавастшерна самъ произвелъ въ него нѣсколько выстрѣловъ.

Вскорѣ гвардейскіе саперы перешли въ наступленіе; въ связи съ этимъ приходилось подымать въ наступленіе также цѣпи другихъ отрядовъ. Огонь красныхъ на сѣверномъ фронтѣ значительно ослабъ, что дало возможность гвардейскимъ саперамъ, ротамъ полковника Новицкаго и другимъ перейти въ атаку и выбить большевиковъ изъ колоніи Зальценъ. Взятые плѣнные оказались поголовно евреями. Выяснилось, что лѣвый флангъ полковника Стесселя былъ атакованъ комиссаромъ Левинзономъ, въ составѣ отряда котораго входилъ баталіонъ,

составленный исключительно изъ евреевъ. Пѣнные ликвидировались на мѣстѣ.

Хуже обстояло дѣло на правомъ флангѣ бѣлыхъ. Часть колонны генерала Васильева, не успѣвшая еще войти въ колонію Кандель, была атакована на походѣ, понесла большія потери, и большевики на ея плечахъ чуть не ворвались въ колонію. Къ счастью, удачный огонь артиллеріи и атака конницы полковника Герописа спасли положеніе. Большевики были отброшены по всему фронту.

Наступалъ вечеръ. Нападеніе красныхъ было отбито, но побѣда была Пиррова. Потери бѣлыхъ убитыми и ранеными простирались до 400 человекъ. Будучи окружены съ фронта и фланга красными и имѣя въ тылу Днѣстръ, отряды при смертельной всеобщей усталости не были способны выдержать повторной атаки и длительной обороны. Можно было еще попытаться пробиваться на сѣверъ, если бы большевики дали хоть сутки на отдыхъ, но на это конечно рассчитывать нельзя было. Вслѣдствіе этого было рѣшено съ наступленіемъ темноты возможно безшумно перейти черезъ Днѣстръ на румынскій берегъ и, если бы румыны преградили путь, пробиваться силой и углубившись въ страну, положить оружіе.

Переходъ черезъ Днѣстръ въ этомъ мѣстѣ былъ очень труденъ, такъ какъ встрѣчались такъ называемые плавни, которые недостаточно промерзли. Обозъ, артиллерію и броневикъ пришлось бросить, при чемъ броневикъ и орудія послѣ приведенія ихъ въ полную негодность были спущены подъ ледъ. Настроеніе у всѣхъ было крайне унылое и подавленное. Въ связи съ этимъ пошли разговоры, что слѣдовало сговориться съ большевиками, не вступая съ ними въ бой. И такъ какъ противъ

этого всецѣло выступалъ полковникъ Стессель, то нѣкоторые стали его винить во всѣхъ неудачахъ и даже пошелъ слухъ, что на него готовится покушеніе. Насколько послѣдній былъ обоснованъ, сказать трудно, но все же ближайшіе его сторонники приняли свои мѣры. Такъ, полковникъ Тавастшерна сѣлъ на козла экипажа Стесселя рядомъ съ кучеромъ. Нѣсколько развеселилъ всѣхъ маленькій прапорщикъ изъ евреевъ, который, пойдя рядомъ съ экипажемъ, заявилъ, что онъ бывший директоръ банка, все потерявшій, что ему больше терять нечего и что только черезъ его трупъ перейдутъ, чтобы овладѣть полковникомъ Стесселемъ.

Ночью весь отрядъ спустился въ плавни, имѣвшіе здѣсь отъ 3 до 4 версты ширины и сплошь заросшіе ивнякомъ, вербой и камышемъ. Въ этихъ заросляхъ было рѣшено заночевать, укрывшись и отъ румынъ, и отъ большевиковъ съ тѣмъ, чтобы только съ наступленіемъ темноты слѣдующаго дня выйти на румынскій берегъ.

Вечеромъ слѣдующаго дня начальникъ команды конныхъ развѣдчиковъ есаулъ Афанасьевъ, полусумасшедшій и кокаинистъ, перебрался въ противолежащую румынскую деревню „Раскайцы“ и такъ запугалъ начальника румынской пограничной стражи, что тотъ впопыхахъ отдалъ приказъ объ отходѣ своей охраны. Когда съ наступленіемъ темноты отрядъ вошелъ въ деревню Раскайцы, то румыны не произвели ни одного выстрѣла. Надо было немедленно продвинуться возможно дальше вглубь страны и тамъ интернироваться. Но людей, добравшихся послѣ всего пережитаго до жилья, никакими силами нельзя было двинуть дальше. Когда же генералъ Васильевъ съ своимъ начальникомъ штаба отправились къ начальнику румынской погранич-

ной стражи уговаривать и наконецъ молить о разрѣшеніи остаться на румынской территоріи, то они достигли совершенно обратнаго дѣйствія. Эффектъ, произведенный есауломъ Афанасьевымъ, былъ испорченъ. Начальникъ румынской стражи сдѣлался заносчивымъ и потребовалъ, чтобы отрядъ къ утру оставилъ деревню и вернулся обратно, грозя въ противномъ случаѣ открыть по немъ огонь изъ пулеметовъ.

Когда объ этомъ стало извѣстно, то командиры отдѣльныхъ частей отряда полковника Стесселя собрались у послѣдняго. На совѣщаніи было выяснено, что люди больше никуда идти не способны. Всѣхъ охватила полная апатія. Такъ какъ заявленіе начальника румынской пограничной стражи было категорично, то на совѣтѣ было рѣшено снова перейти на русскій берегъ Днѣстра, но не на старую переправу, гдѣ было много вѣроятія, что стерегутъ большевики, а сѣвернѣе—версты на двѣ.

Раскайцы представляли собою бѣдную бесарабскую деревню, въ которой едва могла вмѣститься половина отряда. Чтобы укрыться отъ холода, люди размѣстились не только въ избахъ, но въ сараяхъ, хлѣвахъ для скота и свиней и все же частью пришлось устроиться подъ открытымъ небомъ у костровъ. Въ деревнѣ Раскайцы также не было достаточно ѣды; съ трудомъ можно было достать немного мамалыги (кукурузная каша) и брынзы (овечій сыр). Вскорѣ вся деревня погрузилась въ тяжелый непробудный сонъ.

На разсвѣтѣ или даже незадолго до разсвѣта румыны открыли по домамъ деревни пулеметный огонь, а черезъ нѣкоторое время начали ее обстрѣливать шрапнелями. Въ деревнѣ поднялась страшная паника. Люди бросились бѣжать куда глаза глядятъ.

Полковникъ Стессель съ женою выѣхали къ мѣсту новой переправы, какъ наканунѣ вечеромъ было условлено. Полковникъ Тавастшерна нѣсколько замѣшкался, такъ какъ не хотѣлъ бросить свой багажъ и сталъ его съ вѣстовымъ перегружать съ повозки на вьюки. Поѣхавъ вслѣдъ полковнику Стесселю, полковникъ Тавастшерна попалъ подъ сильный пулеметный огонь, которымъ подъ нимъ была убита лошадь. Переждавъ немного, онъ съ помощью вѣстового поймалъ какую то бродячую лошадь и пересѣдлавъ направился дальше къ примѣрному мѣсту новой переправы. Тамъ онъ почти никого не засталъ, а также не нашелъ полковника Стесселя. Такъ какъ большинство въ паникѣ бросилось черезъ Днѣстръ къ мѣсту старой переправы, то полковникъ Тавастшерна также направился туда.

На льду Днѣстра противъ старой переправы онъ увидалъ массу людей, столпившихся въ полномъ отчаяніи и не знавшихъ, что дѣлать и куда укрыться. Румыны продолжали стрѣлять. Откуда то съ русскаго берега румынамъ отвѣчали пулеметы, видимо большевицкіе. Собравшіеся на льду люди оказались межъ двухъ огней. Повторилась та же картина, что имѣла мѣсто за нѣсколько дней на одесскихъ молахъ. Многіе срывали погоны, кокарды и прочіе внѣшніе признаки принадлежности къ бѣлой арміи. Женщины и дѣти рыдали. Началось буквально массовое самоубійство. Многіе офицеры стрѣлялись на глазахъ женъ и дѣтей; были случаи, что стрѣлялись убивъ предварительно членовъ семьи. На глазахъ Тавастшерна застрѣлилось челоуѣкъ 15, въ томъ числѣ 8-го Вознесенскаго уланскаго полка полковникъ Баронъ Майдель. Въ числѣ другихъ застрѣлился начальникъ дивизіи генераль Васильевъ.

Начали объявляться агитаторы въ пользу немедленной сдачи большевикамъ. Были ли это люди изъ отряда Катовскаго или свои, сказать трудно. Слѣдовъ полковника Стесселя установить не удалось. Тогда полковникъ Тавастшерна, видя общую растерянность и подавленность, не желая оставаться совершенно одинокимъ и не теряя надежды въ возможность спасенія хотя части людей, началъ кричать, что знаетъ, гдѣ находится полковникъ Стессель и сталъ призывать къ себѣ желающихъ соединиться для дальнѣйшаго похода. Ставилось условіе быть при оружіи и по возможности на коняхъ, но безъ обоза. На льду по близости бродило много брошенныхъ лошадей. Вскорѣ вокругъ полковника Тавастшерна собрался небольшой отрядъ человекъ въ 80 конныхъ, составленный на $\frac{4}{5}$ изъ офицеровъ, съ которымъ онъ направился въ плавни и гдѣ оставался до вечера.

Дальнѣйшее рисовалось полковнику Тавастшерна въ самыхъ мрачныхъ и неопредѣленныхъ краскахъ. Ни карты въ рукахъ, ни плана въ головѣ у него не было. Тѣмъ болѣе ему стало стыдно, что онъ собралъ вокругъ себя людей, сказавъ имъ, что знаетъ, гдѣ находится полковникъ Стессель. Голодъ и холодъ продолжали мучить. На вопросы, долго ли мы будемъ здѣсь сидѣть, полковникъ Тавастшерна отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ до вечера, такъ какъ, двинувшись днемъ, попадемъ въ руки большевиковъ. Кто то предложилъ для утоленія голода зарѣзать лошадь, что и было немедленно выполнено. Черезъ нѣкоторое время въ котелкахъ и на вертелѣ варилась и жарилась конина, которую ѣли въ большинствѣ случаевъ безъ соли.

Съ наступленіемъ сумерекъ отрядъ, выславъ небольшую развѣдку, двинулся на большевицкій

берегъ. Немного пройдя, былъ замѣченъ справа небольшой разъѣздъ коней въ 15, отъ котораго отдѣлились 3-4 всадника. Отрядъ остановился. Люди нервничали и спрашивали, стрѣлять или нѣтъ. Начальникъ отряда приказалъ не стрѣлять. Черезъ нѣкоторое время отдѣлившіеся всадники подъѣхали. Бывшій впереди, весьма элегантно одѣтый въ польскую бекешу со шнурами, безъ погонъ и въ низенькой кубанкѣ на головѣ, видимо офицеръ, спросилъ:— „Кто у васъ здѣсь начальникъ“. Получивъ отъ полковника Тавастшерна отвѣтъ, что онъ, неизвѣстный взглянувъ приложилъ руку къ головному убору и очень вѣжливо къ нему обратился:— „Господинъ полковникъ, я присланъ начальникомъ отряда Катовскимъ сообщить вамъ, чтобы вы смѣло явились къ нему со всѣмъ вашимъ отрядомъ, съ которымъ вы и будете приняты къ нему на службу. Жизни вашей и вашихъ людей ничто не угрожаетъ. У насъ уже находятся полковники Стессель, Мамонтовъ и многіе другіе. Наша ближайшая задача разсчитаться съ румынами“, сказалъ онъ, показавъ рукой въ сторону Румыніи и добавивъ по ея адресу нѣсколько нелестныхъ эпитетовъ. Увидѣвъ нѣкоторое смущеніе и колебаніе въ рядахъ своихъ соратниковъ, полковникъ Тавастшерна умышленно громко спросилъ:— „А кто вы собственно такой?“ На что получилъ отвѣтъ:— „Я офицеръ конной бригады Катовскаго“. На это Тавастшерна ему отвѣтилъ:— „Вы офицеръ Красной арміи и я ни одному вашему слову не вѣрю“. Онъ вновь крайне любезно возразилъ:— „Господинъ полковникъ, я вамъ даю слово“. На это Тавастшерна вторично повторилъ;— „Я вашему слову не вѣрю. Заворачивайте коней и давайте ходу, пока вамъ не будетъ послано вдогонку нѣсколько пуль“. Онъ отвѣтилъ:— „Жаль, гос-

подинъ полковникъ“, и быстрымъ аллюромъ направился къ своему разъѣзду, съ которымъ вскорѣ скрылся за пригоркомъ. Въ свою очередь отрядъ полковника Тавастшерна повернулъ въ противоположную сторону и также довольно быстрымъ аллюромъ отошелъ.

Въ скоромъ времени отряду попалась на встрѣчу группа крестьянъ, нагруженныхъ всякимъ добромъ, видимо только что награбленнымъ среди оставленныхъ отрядомъ повозокъ. Остановленные и опрошенные они заявили, что сами здѣшніе, что бригада Катовскаго расположена въ близлежащемъ селеніи Долгое, что сосѣдняя деревня (кажется Глинская) также занята войсками красныхъ и что между этими деревнями тянутся болота. Выбравъ двухъ наиболѣе разбитныхъ, имъ было предложено провести отрядъ между деревнями, занятыми большевиками, съ предупрежденіемъ, что если отрядъ наткнется на красныхъ, то они отвѣтятъ своими головами. Проводники взялись провести и вскорѣ отрядъ миновалъ линію деревень, изъ которыхъ явственно доносились пѣсни и пьяные крики. Къ утру отрядъ находился въ верстахъ 12—15 отъ этихъ деревень и внѣ прямой связи съ бригадой Катовскаго. Послѣ 2^{1/2}-мѣсячныхъ скитаній съ отрядомъ по совѣтской Россіи, что составитъ предметъ отдѣльнаго описанія, полковнику Тавастшерна удалось пробраться въ Румынію, гдѣ онъ въ конгрегаціонномъ лагерѣ въ Тульчѣ на Дунаѣ вновь встрѣтился съ полковникомъ Стесселемъ.

Уже здѣсь выяснилось, что полковникъ Стессель, выйдя на намѣченную новую переправу и видя, что тамъ почти никого нѣтъ, пробрался съ небольшой группой (въ томъ числѣ В. В. Шульгинъ) въ плавни и затѣмъ, преслѣдуемый большевиками, нѣсколько разъ

переходилъ съ одного берега на другой. И тутъ красные не стрѣляя старались его сманить къ переходу къ нимъ уговорами и обѣщаніями. Раздѣливъ имѣвшійся при немъ денежный ящикъ между окружающими его людьми и видя, что послѣдніе понемногу стали отставать, полковникъ Стессель послѣ нѣсколькихъ дней плутаній съ небольшой группой около 20 человекъ перешелъ румынскую границу, гдѣ всѣ были арестованы и отправлены въ конгрегационный лагерь Тульчу. Среди этой небольшой группы людей большинство было съ отмороженными конечностями, въ томъ числѣ и жена полковника Стесселя, Раиса Васильевна, которая потомъ долго лежала и едва не подверглась ампутаціи.

Изъ остальныхъ людей отряда больше половины попало въ плѣнъ къ большевикамъ. Многие замерзли и погибли въ плавняхъ или кончили жизнь самоубійствомъ. Сравнительно небольшая часть, въ нѣсколько сотъ человекъ, отдѣльными группами просочилась черезъ румынскую границу, была интернирована въ Тульчѣ, а впослѣдствіи, уже въ маѣ 1920 года, перенеслась далѣе въ Болгарію и Югославію.

Записалъ Э. Верцинскій.

Ревель—Рига,
Январь—Сентябрь 1931 г.

Двадцать дней въ семьѣ офицеровъ Великобританской арміи.

Наши дѣла несомнѣнно портились на фронтѣ, что однако усердно скрывали въ Таганрогѣ. Несмотря на это, все же проскользнуло извѣстіе, что гор. Прилуки (Полтавской губ.) снова заняты красными, которые быстрыми переходами приближались къ Кіеву. Подъ Харьковымъ наши дѣла также были плохи. Атаманъ Махно сталъ подѣ Таганрогомъ чаще и смѣлѣе перерѣзать „Индо-Европейскій“ телеграфный кабель, единственный по которому Добровольческая армія могла сообщаться съ Европой. Этотъ кабель принадлежалъ англійской частной компаніи, находился въ рукахъ Великобританской военной миссіи на Югѣ Россіи и предоставлялся послѣдней въ распоряженіе нашего штаба лишь въ теченіе двухъ часовъ въ сутки.

Чтобы дать возможность штабу Главнокомандующаго подольше пользоваться кабелемъ, приходилось неоднократно сваливать вину на Махно, якобы его перерѣзавшаго. Наконецъ англичане смекнули въ чемъ дѣло, но видимо съ этимъ примирились. На мой докладъ, что:— „Снова Махно испортилъ кабель“, спокойно отвѣчали:— „Мошенникъ Махно, но постарайтесь все же, чтобы къ такому-то часу онъ былъ исправленъ“. Къ назначенному часу кабель по волшебству исправлялся. Такъ продолжалось довольно долго, пока его Махно не перерѣзалъ въ дѣйствительности и основательно во многихъ мѣстахъ.

Въ это время я служилъ въ Таганрогѣ въ штабѣ Главнокомандующаго вооруженными силами на Югѣ Россіи, въ отдѣлѣ сношеній съ союзными арміями—офицеромъ для связи. Начальникомъ названнаго отдѣла состоялъ генеральнаго штаба полковникъ Баронъ Нолькенъ, окончившій на 3 года позже меня Николаевское Инженерное училище. Его помощникомъ былъ полковникъ Звегинцевъ, бывший офицеръ л.-гв. Коннаго полка. Лично я состоялъ при Великобританской военной миссіи въ распоряженіи начальника Телеграфовъ и Радиотелеграфовъ полковника Королевской службы Веледжа.

Это былъ удивительно красивый, но и столь же надменный, человѣкъ, снисходившій разговаривать со мною по дѣламъ службы, но отнюдь не допускавшій мысли, что русскій офицеръ можетъ считаться ему равнымъ. Его помощникомъ былъ весьма дѣльный и работоспособный маіоръ Картеръ, съ которымъ я скоро подружился и черезъ котораго сталъ часто бывать, своимъ человѣкомъ, въ собраніи англійскихъ офицеровъ.

Полковникъ Веледжъ меня съ первыхъ дней моей службы не полюбилъ. Однако однажды онъ снизошелъ со своего величія и спросилъ меня, гдѣ находится станція Узловая и существуетъ ли вообще такая станція, такъ какъ на великобританской картѣ она не обозначена. Я ему указалъ на его картѣ мѣсто, гдѣ она должна была быть обозначена, но онъ мнѣ не повѣрилъ, говоря:— „Если на нашей картѣ ея нѣтъ, то значитъ она второстепенная и роли играть не можетъ“. Я ему возразилъ, что Узловая крупная станція и играетъ первостепенную роль для Юга Россіи и, если она не обозначена на англійской картѣ, то это лишь указываетъ на незнаніе лицъ, ее составлявшихъ, и что вообще

въ Россіи цѣлесообразнѣе было бы пользоваться картами русскаго Генеральнаго штаба. Веледжъ смолчалъ, но отвѣтъ мой ему не понравился. Съ этого дня онъ сталъ ко мнѣ придираться въ мелочахъ.

Однажды, придя въ канцелярію въ урочный часъ, я нашелъ ея дверь, закрытой на ключъ. Возвратился вторично — снова закрыта. Постоялъ, постоялъ и ушелъ въ отдѣлъ. Минуть черезъ пятнадцать для очистки совѣсти пошелъ въ третій разъ. На сей разъ канцелярія оказалась открытой. Увидя меня, полковникъ Веледжъ въ весьма непріятной формѣ мнѣ замѣтилъ, что я опоздалъ. Я ему возразилъ, что не я опоздалъ, а канцелярія была закрыта. На что получилъ въ отвѣтъ:— „Если полковникъ Королевской службы вамъ говоритъ, что вы опоздали, то значить вы опоздали“. Точъ въ точъ тѣмъ же тономъ, къ ужасу сержанта Ритчарда и радости маіора Картера, я отвѣтилъ:— „Если полковникъ Императорской гвардіи вамъ заявляетъ, что канцелярія была закрыта, значить она была закрыта“. Какъ два пѣтуха стоимъ и смотримъ другъ на друга. Молчаніе продолжалось довольно долго. Затѣмъ разсмѣявшись, Веледжъ мнѣ протянулъ руку, говоря:— „Ну, и славный же вы парень (a good fellow), впервые встрѣчаю такого въ Россіи“. Съ тѣхъ поръ мы стали друзьями. Думаю, что онъ сталъ меня считать себѣ почти равнымъ, но конечно только почти. Интересно, что англійскіе офицеры миссіи, узнавъ про инцидентъ, сочли нужнымъ притти позжать мнѣ руку и усиленно хлопать по плечу. Отмѣчая сей пустяшный случай, считаю, что наши офицеры, большею частью, были сами виноваты, позволяя англичанамъ себя третировать, отчего они только теряли въ ихъ глазахъ.

Проживъ въ тревожное время 20 дней въ тѣсномъ кругу англичанъ, я привыкъ ихъ уважать. Они дѣльные люди, толковые работники и славные товарищи, но давать имъ спуска не слѣдуетъ и полезно во время показать зубы.

Дѣла наши все больше и больше портились. Мѣстные большевики и рабочіе заводовъ стали нахальнѣе. Были случаи нападенія ночью и на англійскихъ офицеровъ (на русскихъ въ счетъ не принималось). Эти нападенія кончались большею частью не въ пользу нападавшихъ, но несомнѣнно, что большевики становились смѣлѣй. Чувствовалось тревожное настроеніе городского населенія. Кстати отмѣчу, что мѣстная буржуазія, за рѣдкимъ исключеніемъ, относилась къ офицерамъ бѣлой арміи весьма недоброжелательно. Ее сердило, что въ ея домахъ много комнатъ реквизировано для штабовъ и офицеровъ. Полагаю, что впоследствии, ознакомившись съ большевицкими приѣмами не сладкаго характера, о насъ пожалѣли.

Придя однажды по обыкновенію въ канцелярію, я рѣшительно никого въ ней не засталъ. Не обративъ на это особаго вниманія, я сталъ разбирать свои бумаги для перевода. Приблизительно черезъ часъ таинственно вошелъ сержантъ Ритчардъ, молча положилъ на мой письменный столъ допотопный револьверъ огромнаго калибра и, лукаво прищуривая правый глазъ, добавилъ:— „Можетъ быть вамъ пригодится, господинъ полковникъ; мы съ вами друзья, вотъ я вамъ его и досталъ; хорошо бьетъ“. Поблагодаривъ сержанта за вниманіе, я освѣдомился у него, въ чемъ же суть, что онъ вдругъ нашелъ нужнымъ меня вооружить. Снова лукаво подмигивая, онъ мнѣ показалъ, что и самъ вооруженъ такимъ же револьверомъ и, указывая пальцемъ на потолокъ, сказалъ:— „Тамъ въ од-

ной комнатѣ собрались всѣ наши офицеры*), они ожидаютъ нападенія на миссію мѣстныхъ большевиковъ; во дворѣ для нихъ посѣдланы лошади, но я и для васъ досталъ надежнаго мула, не уступитъ въ ходѣ лошадямъ“. Дѣйствительно во дворѣ стояли осѣдланныя лошади. Столь странный образъ дѣйствій англичанъ меня поразилъ. Я пошелъ къ полковнику Нолькену доложить объ этомъ и узнать, въ чемъ дѣло. Нолькенъ ничего не зналъ и былъ глубоко возмущенъ, что англичане сами къ чему то готовились, но не предупредили о возможности нападенія никого изъ русскихъ офицеровъ. Въ это время мимо зданія миссіи продефилировали въ образцовомъ порядкѣ 12 великобританскихъ танковъ и около баталіона морской пѣхоты. Демонстрируя свои силы по всему городу, англичане остудили воинственный пылъ большевиковъ и успокоили умы.

Вскорѣ спустились въ канцелярію полковникъ Веледжъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и офицеры Королевской службы. Отмѣчу, что весь русскій персоналъ миссіи, въ томъ числѣ и всѣ телефонныя русскія барышни, большею частью изъ высшаго общества Петрограда и Москвы, ни на минуту не покидали своихъ мѣсть. Маіоръ Картеръ казался сконфуженнымъ. Веледжъ же, дружески хлопая меня по плечу и указывая на допотопный револьверъ, шутя сказалъ:—„Радъ, дорогой полковникъ, что сержантъ Ритчардъ позаботился васъ вооружить. Я же съ своей стороны вамъ приготовилъ надежнаго быстроходнаго мула. Славно бы мы поскакали! Пріятная была бы прогулка, но на сей разъ ее

*) Въ ихъ числѣ былъ подполковникъ Великобританской службы Рагозинъ, бывший Семеновецъ, а затѣмъ, по мобилизаціи, стрѣлокъ Его Величества, проявившій правильность переводовъ русскихъ офицеровъ.

отложимъ“. Не безъ ироніи я поблагодарилъ своего начальника за заботливость обо мнѣ, но добавилъ, что въ подобныхъ случаяхъ предпочелъ бы быть заранѣе предупрежденнымъ, тѣмъ болѣе, что не любитель сюрпризовъ. Кромѣ того, имѣя въ Таганрогѣ жену и шестимѣсячную внучку, мнѣ не вредно о нихъ позаботиться. — „О другъ мой“, послѣдовалъ отвѣтъ полковника, „мы о дамахъ и дѣтяхъ не забудемъ, можете быть спокойны; англичанинъ, когда полюбитъ, друга не оставитъ, а я васъ отъ души полюбилъ“. — Странная любовь!

Оказалось, что разъѣзды Махно были въ верстѣ отъ города и съ ихъ поддержкой предполагалось выступленіе мѣстныхъ большевиковъ. Объ этомъ были освѣдомлены англичане, но не нашли нужнымъ извѣстить ни русскій штабъ, ни миссіи прочихъ державъ. Глава итальянской миссіи, генераль Bassiniano, при которомъ состоялъ мой младшій сынъ Михаилъ, ничего объ этомъ не зналъ. Въ польской миссіи тоже ничего не знали, во французской — недавно. Всѣ были удивлены англійской демонстраціей. Странныя были времена! Странно дѣйствовали союзники! Лично же я намоталъ себѣ на усъ, что нужно разсчитывать лишь на самого себя.

Обо всемъ этомъ было доложено генералу Деникину полковникомъ Нолькеномъ. Деникинъ потребовалъ объясненій отъ англійскихъ генераловъ Холмсена и Киза. Чѣмъ все кончилось, не знаю, но съ этого дня англичане выдали русскимъ офицерамъ при миссіи револьверы, и я получилъ мою допотопную мортиру въ окончательное владѣніе. Надо замѣтить, что на жалованіе въ 2500 рублей въ мѣсяцъ деникинскими деньгами, которые къ тому же весьма часто выдавали съ значительнымъ запозданіемъ, нель-

зя было купить оружіе. Наганъ въ то время расцѣнивался въ 30000 рублей.

Вѣсти съ фронта становились все тревожнѣе, но пока катастрофы не ожидали. Англичане стали готовиться къ Рождеству. Имъ прислали съ родины несмѣтное количество „плумъ-пудинговъ“ и разныхъ консервовъ, но танки для нашей арміи не прибывали. Однако англичанамъ елки устроить не пришлось! Консервы, плумъ-пудинги, ромъ и многое другое болѣе цѣнное, какъ сапоги, обмундированіе и прочее попало въ руки большевиковъ!

Приблизительно дня за три до англійскаго Рождества пришелъ приказъ спѣшно эвакуировать Таганрогъ. Генераль Бассиніано взялся эвакуировать въ Новороссійскъ мою жену и внучку, что итальянцы исполнили удивительно внимательно и сердечно. Я же лично, за два дня до Рождества по новому стилю, получилъ приказаніе, до отхода поѣздовъ миссіи, отправиться съ маіоромъ Картеромъ въ Екатеринодаръ, гдѣ спѣшно строить радіостанцію и наладить телеграфное сообщеніе.

Захвативъ свои пожитки и простившись съ женою, я ночью отправился на вокзалъ. Извозчика пришлось взять съ боя, пригрозивъ возницѣ револьверомъ, такъ какъ офицеровъ ужё не слушались. Результатъ получился неожиданный! Терроризованный извозчикъ удралъ, оставивъ мнѣ своего коня и пролетку, на которыхъ не безъ труда но благополучно добрался въ полной тьмѣ до вокзала.

Тамъ насъ ожидали два классныхъ вагона и паровозъ. Встрѣтилъ маіора Картера и почти всѣхъ англійскихъ офицеровъ, служившихъ на радіотелеграфѣ и „Индо“ въ Таганрогѣ, всего около 14 человекъ. Всѣ мнѣ были хорошо знакомы; настроеніе у всѣхъ было приподнятое.

Въ одномъ изъ предоставленныхъ намъ вагоновъ успѣла весьма комфортабельно устроиться жена бывшаго губернатора X со своими тремя дочерьми, раздѣливъ вагонъ на спальню, кабинетъ и столовую. Не безъ труда удалось объяснить этой рѣшительной и воинственной дамѣ, что вагонъ предоставленъ офицерамъ английской миссіи для специальной служебной командировки. Высадить ее такъ и не удалось и стоило не мало хлопотъ помѣстить ее съ ея чадами въ одно отдѣленіе. Не мало хлопотъ было съ ней и въ дорогѣ. Передъ самымъ отходомъ поѣзда къ намъ водворили вооруженную команду въ двадцать канадскихъ стрѣлковъ, что насъ тогда далеко не обрадовало, но впоследствии мы эту разумную мѣру оцѣнили.

По своему обыкновению англичане въ пути стали пить виски съ конденсированнымъ молокомъ, весьма невредный напитокъ. Испробовавъ изрядное количество этого напитка, всѣ крѣпко заснули. Первымъ проснулся я. Вижу солнце высоко и мы стоимъ на запасномъ пути въ Ростовѣ, а по маршруту должны были давно быть на пути къ Екатеринодару. Мы—авангардъ оказались въ арріергардѣ! Развѣдка на станціи принесла намъ неприятное извѣстіе, что всѣ поѣзда съ иностранными миссіями и штабъ Главнокомандующаго уже давно проѣхали, что свободныхъ паровозовъ нѣтъ и что, по свѣдѣніямъ желѣзнодорожной развѣдки, развѣзды большевицкой кавалеріи въ двухъ верстахъ отъ Ростова. Свѣдѣнія были далеко не утѣшительныя! На наше счастье подошелъ поѣздъ великобританскихъ авіаторовъ съ ихъ аэропланами. Это былъ послѣдній поѣздъ, вышедшій изъ Таганрога. Авіаторы рассказали, что когда они выѣзжали изъ Таганрога, то кавалерія Махно вступила въ городъ и успѣла

основательно обстрѣлять ихъ поѣздъ. Не безъ волокиты удалось прицѣпить наши два вагона къ поѣзду авіаторовъ, такъ какъ русская желѣзнодорожная прислуга неохотно работала, и къ всеобщей радости мы двинулись въ путь. Ъхали нормально, спокойно, однообразно и конечно начали развлекаться любимымъ напиткомъ: виски съ молокомъ, добавляя „кери“. Принявъ все это въ изрядномъ количествѣ, въ самомъ благодушномъ настроеніи доѣхали версть за пятнадцать до станціи Тихорѣцкой, гдѣ стали. По какой причинѣ стояли и сколько времени простояли опредѣлить трудно, ибо никто на эту стоянку особаго вниманія не обратилъ. Слишкомъ всѣ были заняты спорами о достоинствахъ новаго сочетанія виски, молока и рома съ прибавленіемъ разведеннаго кери. Дѣйствительно получался напитокъ, эквивалентный нектару боговъ, но отъ котораго оставались съ открытыми ртами. Больно кери жегъ! Канадскіе стрѣлки нашей охраны были заняты приблизительно тѣмъ же занятіемъ.

Чтобы немного освѣжиться, я вышелъ на платформу вагона, усѣлся на ступеньку и машинально сталъ осматривать окружающую мѣстность съ очень невысокими холмами, перерѣзанными мелкими оврагами. Я сталъ замѣчать появленіе и исчезновеніе какихъ-то черныхъ точекъ. Сіе показалось мнѣ весьма занимательнымъ и я сталъ внимательнѣе всматриваться. Нѣтъ сомнѣнія! Появлявшіяся черныя точки была наступающая цѣпь. Цѣпь въ 1200-1400 шагахъ.

Моментально винные пары улетучились. Посмотрѣлъ въ сторону паровоза. Вижу паровоза нѣтъ. Оказалось, что машинистъ-большевикъ отцѣпилъ паровозъ и уѣхалъ, оставивъ вагоны и платформы. Возвратясь поспѣшно въ

вагонъ, я сообщилъ компаніонамъ неприятное открытіе. Не хотятъ вѣрить, думаютъ что шутка. Почти силой заставилъ маіора Картера убѣдиться самому. Вскорѣ наступающая съ обѣихъ сторонъ полотно желѣзной дороги большевическая цѣпь, непонятно откуда появившаяся, вѣроятно изъ мѣстныхъ организацій, открыла по нашему поѣзду рѣдкій огонь. Удивительно, какъ у всѣхъ насъ, точно по волшебству, исчезли винные пары. Канадскіе стрѣлки разсыпались по обѣимъ сторонамъ полотно, выкатили пулеметъ, къ счастью захваченный маіоромъ Картеромъ, и стали отстрѣливаться, чѣмъ на время остановили наступающую цѣпь противника. Тѣмъ временемъ офицеры, въ томъ числѣ и я, стали обливать изъ шприцевъ керосиномъ, заранее припасеннымъ летчиками на каждой платформѣ, аэропланы и разомъ всѣ восемь зажгли. Взвился могучій столбъ пламени и нашъ поѣздъ запылалъ. Одновременно другая часть офицеровъ съ неимоверными усиліями отцѣпила наши два вагона и откатила ихъ отъ пылающихъ платформъ. Молодцами работали англичане: спокойно, толково, флегматично, разсудительно. Затѣмъ всѣ офицеры залегли въ цѣпь. Я стрѣлялъ изъ винтовки Картера, который руководилъ огнемъ.

Большевики, убѣдившись что насъ мало и обозленные поджогомъ аэроплановъ, представлявшихъ для нихъ лакомую добычу, стали смѣло и быстро наступать, несмотря на нашъ огонь, отъ котораго, какъ было видно, многіе падали и кувыркались. Уже они подошли къ намъ шаговъ на 500.

Въ это время, по счастью, подоспѣлъ изъ Тихорѣцкой новый паровозъ, на которомъ за машиниста былъ англійскій офицеръ. Прицѣпили вагоны и умчались. Все было исполнено

быстро, безъ суеты. Молодцы англичане! Возымѣлъ къ нимъ съ этой минуты большое уваженіе и почувствовалъ, что сталъ дѣйствительно членомъ ихъ семьи. Позже выяснилось, что на станціи Тихорѣцкой, видя бѣшено пронесшійся паровозъ, смекнули въ чемъ дѣло и англійскій офицеръ помчался на паровозъ для выручки своихъ. Врядъ ли предприимчивая жена губернатора была рада, что связалась съ нами, и врядъ ли она вторично помѣстится въ офицерскій вагонъ.

Подѣлившись свѣжими впечатлѣніями и не мало посмѣявшись надъ нашей безопасностью, дали зарокъ не пить виски съ кери и тутъ же стали готовить просто виски съ молокомъ. Маіоръ Картеръ увѣрялъ меня, бывшаго въ англійскомъ обмундированіи съ русскими погонами и кокардой, что если бы я на сей разъ попался въ руки большевиковъ, то не избѣжалъ бы висѣлицы. Вполнѣ съ этимъ согласился, но замѣтилъ ему, что ему бы выпала худшая участь и передъ несомнѣннымъ разстрѣломъ ему бы сперва живьемъ содрали кожу съ рукъ и ногъ. Такъ большевики поступили съ двумя англійскими артиллеристами, которыхъ захватили при эвакуаціи Ростова. Ненависть большевиковъ къ англичанамъ была феноменальна. Они не прощали имъ помощь бѣлымъ танками и аэропланами, кстати старыми съ театра войны.

Къ разсвѣту доѣхали до Екатеринодара. Всѣ пути станціи были запружены поѣздами штабовъ и бѣженцевъ. Жены атамановъ и члены Кубанскаго краевого правительства жили весьма роскошно въ своихъ поѣздахъ, что загромождало пути и создавало не мало затрудненій для движенія войскъ.

Иностранныя миссіи и отдѣлъ сношеній прослѣдовали прямо въ Новороссійскъ. Съ этой

минуты я поступилъ въ полное подчиненіе великобританскаго командованія. Жилъ въ англійской базѣ (штабѣ), спалъ въ общей камерѣ съ англичанами, столовался въ ихъ собраніи. Маіоръ Картеръ любезно предоставилъ мнѣ своего денщика, который чистилъ мнѣ сапоги и одежду и ежедневно по утрамъ приносилъ „тѣбъ“ съ четырьмя кружками горячей воды. Это являлось громаднымъ наслажденіемъ и забытой роскошью и я снова зажилъ бариномъ. Странную картину можно было наблюдать по утрамъ въ нашей камерѣ. Четырнадцать офицеровъ въ костюмѣ Адама одновременно мылись въ „тѣбахъ“ и сіе омываніе творилось какъ священнодѣйствіе.

Новый годъ по новому стилю встрѣчали въ англійской базѣ, гдѣ было уже не мало бѣженцевъ, вывезенныхъ изъ Таганрога. Послѣдній былъ занятъ большевиками ранѣе предположеннаго, а потому находившіеся тамъ огромные великобританскіе склады съ обмундированіемъ, обувью, оружіемъ, снаряженіемъ и консервами попали въ руки большевиковъ. Отчасти это случилось вслѣдствіе упрямства англичанъ, желавшихъ обязательно отпраздновать свое Рождество въ Таганрогѣ и поздно начавшихъ эвакуацію складовъ. Сыны Альбіона заликовали, что смогли, наконецъ, справить свое Рождество и съѣсть традиціонный пылающій горящимъ ромомъ плумъ-пудингъ. Устроили танцы, разныя развлеченія и даже угостили всѣхъ присутствующихъ шампанскимъ.

Моя служба была въ высшей степени интересной. Приходилось переводить шифрованные депеши первостепенной важности. Къ сожалѣнію, по нимъ было видно, какъ наше бѣлое движеніе шагъ за шагомъ проигрывалось.

Екатеринодаръ насъ поражалъ въ то время изобиліемъ и богатствомъ своего рынка съѣстныхъ припасовъ. Жизнь въ городѣ кипѣла, но кипѣла и всевозможная спекуляція, поглощавшая всѣ мысли тыловаго офицерства.

Какъ выше упоминалъ, я спалъ въ одной комнатѣ съ англичанами. Мой сосѣдъ по койкѣ справа былъ милѣйшій подполковникъ Канадскихъ инженерныхъ войскъ, недавно возвратившійся съ постройки Мурманской желѣзной дороги и спѣшно вызванный наладить желѣзнодорожное дѣло на Кубани, что при царшемъ на Кубани хаосѣ оказалось дѣломъ не легкимъ. Сосѣдъ слѣва былъ молодой капитанъ авіаціи, летчикъ, часто таинственно исчезавшій по ночамъ и по два-три дня пропадавшій, ни слова не говорившій по-русски и какъ будто плохо понимавшій языкъ. Онъ состоялъ пилотомъ при начальникѣ базы и часто леталъ съ своимъ начальникомъ надъ расположеніемъ красныхъ войскъ. Однажды, по ошибкѣ, снизившись за ихъ расположеніемъ, чуть-чуть не попался въ руки большевиковъ и чудомъ спасъ начальника, себя и аппаратъ. Смѣлый, умный, интересный офицеръ. Не вѣрилось мнѣ, что онъ столь плохо понимаетъ по-русски, казалось, что онъ больше притворяется. Впослѣдствіи я убѣдился, что не ошибся.

Однажды ночью меня разбудилъ англійскій старшій врачъ. Это меня не мало удивило, такъ какъ у меня съ нимъ по службѣ ничего общаго не было. Онъ сталъ меня просить, въ видѣ огромнаго одолженія, возможно скорѣе достать католическаго священника и привезти его въ великобританскій госпиталь къ умирающему отъ тифа англійскому солдату.

Вставать изъ теплой постели не хотѣлось, да и не представлялъ себѣ, гдѣ въ Екатерино-

дарѣ ночью я розыщу ксендза. Но было совѣстно отказать въ помощи умирающему и, въ сопровожденіи двухъ канадскихъ сержантовъ, я двинулся на розыски. Рѣшилъ, что адресъ ксендза должны знать въ аптекѣ, и сталъ усиленно стучать въ первую попавшуюся. Открываетъ сонный армянинъ-аптекарь и долго не можетъ понять, что собственно мнѣ надо. Наконецъ, радостно постигаетъ въ чемъ дѣло и даетъ адресъ. Было близко. Найдя указанный номеръ дома, снова стучу, на сей разъ долго и упорно. Наконецъ, открываютъ и просятъ войти. Мнимый ксендзъ хорошо заговорилъ по-французски. Сначала меня это удивило, но быстро рѣшилъ, что имѣю дѣло съ французскимъ аббатомъ, не говорящимъ по-русски, или съ польскимъ ксендзомъ, не желающимъ говорить по-русски, а потому заговорилъ самъ по-французски. Объясняю ему причину моего ночнаго посѣщенія. Онъ пріятно улыбается и готовъ со мною слѣдовать, но скороговоркой добавляетъ, что онъ собственно не ксендзъ, а... мулла, но что сіе безразлично и къ умирающему онъ поѣдетъ! Тутъ ужъ я раскрылъ ротъ отъ удивленія. Отвѣтъ меня уничтожилъ. Такого пассажи никакъ не ожидалъ. Сильно усомнившись въ „безразличіи“, я не безъ труда и съ извиненіемъ отдѣлался отъ чрезмѣрно услужливаго и любезнаго муллы.

Оказался снова на улицѣ въ поискахъ ксендза. Не безъ помощи допотопнаго револьвера, поражавшаго своими солидными размѣрами, удалось убѣдить строптиваго извозчика-армянина ѣхать въ католическій костель на краю города.

Большой красивый готическій костель, окруженный садомъ, стоитъ за каменной оградой съ рѣшеткой. За той же оградой рядомъ рас-

положенъ большой каменный трехэтажный домъ и въ послѣднемъ этажѣ свѣтится окно и раздаются звуки рояля. Несомнѣнно достигъ цѣли! Очевидно домъ ксендза! Къ счастью ворота открыты.

Стучу въ дверь дома. Молчатъ. Стучу сильнѣе. Молчатъ. Взявъ саблю сержанта, барабану въ дверь ея эфесомъ, подымая шумъ на весь кварталъ. Освѣщенное окно открывается и появляется бѣлая фигура съ тазомъ въ рукахъ. Раздается сердитый голосъ:— „Немедленно перестаньте шумѣть, безобразники“. Фигура опрокидываетъ тазъ и обливаетъ водой. Возмущенно кричу:— „Чортъ бы васъ побралъ. Я ищу ксендза къ умирающему солдату. Я гвардіи полковникъ, а не безобразникъ“. Фигура возражаетъ:— „Гвардіи полковники по ночамъ не шляются и людей не тревожатъ. Знаемъ этихъ полковниковъ. Не туда попали. Убирайтесь къ дьяволу“. Окно захлопывается.

Потерявъ всякое терпѣніе, стучу изо всѣхъ силъ. Оба сержанта, возмущенные такимъ неласковымъ приѣмомъ, помогаютъ. Свѣтъ въ окнѣ исчезаетъ и вскорѣ входная дверь пріотворяется. Появляется бѣлая фигура и, осмотрѣвъ насъ потайнымъ фонаремъ, соглашается меня впустить, но при условіи, чтобы сержанты отошли. Бѣлая фигура въ ночной рубашкѣ, въ бѣломъ колпакѣ съ кисточкой оказалась самимъ ксендзомъ. Послѣ краткихъ переговоровъ ксендзъ соглашается со мной ѣхать, но съ условіемъ, что лично доставлю его обратно съ моими спутниками сержантами.

Въ великобританскомъ госпиталѣ насъ уже давно ждетъ старшій врачъ. Сдаю ему на руки желчнаго ксендза и удаляюсь на крыльцо, такъ какъ меня ничуть не прельщаетъ задерживаться въ помѣщеніи тифознаго госпиталя. Не успѣлъ

я выкурить папироски, какъ вновь появляется старшій врачъ и умоляетъ перевести исповѣдь умирающаго. Ксендзь не понимаетъ по-англійски, а солдатъ не говоритъ на другомъ языкѣ, и безъ перевода упрямый ксендзь причастія дать не хочетъ.

Ну и попалъ же я въ скверную исторію. Итти не хочется, но отказать совѣстно—человѣкъ умираетъ. Дѣлать нечего, пошелъ. У постели умирающаго перевозжу его шопоть. Но я тугъ на ухо, приходится нагибаться къ самому его рту, а отъ больного пышетъ жаромъ. Исповѣдь кончилась. Больной получилъ причастіе и удивительное дѣло, вижу собственными глазами, какъ ему становится лучше. Глаза оживаютъ, голосъ становится почти нормальнымъ.

Отвезъ ксендза домой. У себя онъ угостилъ меня отмінной старкой и отличнымъ венгерскимъ виномъ и не пожелалъ взять ни копѣйки за ночное посѣщеніе больнаго. Богъ меня спасъ, все сошло благополучно. Утѣшеніемъ и наградой было то, что солдатъ скоро выздоровѣлъ. Вѣра его спасла.

Въ миссиі мои компаніоны ждали меня съ бутылкой „Пиперъ-секъ“, но предварительно старшій врачъ заставилъ меня выпить хорошую кружку кипящаго рома. Много смѣялись разсказу о муллѣ, пожелавшемъ приобщить католика. Лихой мулла!

Въ офицерскомъ собраніи предсѣдательствуетъ полковникъ Джуліусъ, полюбившій меня главнымъ образомъ за то, что наши фамиліи начинаются съ тѣхъ же четырехъ буквъ при одинаковомъ числѣ буквъ въ обѣихъ фамиліяхъ, въ чемъ онъ усматриваетъ сродство душъ и добрую примѣту.

Всѣ принарядились. Справляемъ рожденіе Короля Великобританіи, Императора Индіи.

Младшій изъ насъ за столомъ, молодой капитанъ встаетъ и приноситъ изъ погреба четыре бутылки стараго краснаго портвейна. По традиціямъ, слуги не достойны приносить то вино, которое будутъ пить за здоровье Короля. Поставивъ бутылки передъ полковникомъ, капитанъ самъ ихъ откупориваетъ, наливаетъ себѣ рюмку и поднимаетъ ее до высоты лба. Всѣ встаютъ. Отчетливо, но не громко произносятъ:— „За здоровье Его Величества Короля“, выпиваетъ залпомъ рюмку и восклицаетъ: „Хипъ, хипъ, хипъ, ура!“ Передаетъ бутылку сосѣду, который самъ себѣ наливаетъ рюмку и выпиваетъ тѣмъ же порядкомъ. Всѣ по очереди, въ томъ числѣ и я, продѣлываемъ тоже.

Есть извѣстная торжественность и прелесть въ этомъ обычаѣ. Много осмысленнаго, что за здоровье Короля каждый долженъ самъ себѣ налить. Наше коллективное ура—мощнѣе.

Далѣе проявляется особая любезность ко мнѣ. Капитанъ всѣмъ наливаетъ рюмки. Всѣ встаютъ. Полковникъ Джуліусъ подымаетъ снова до лба рюмку. Пауза. — „За процвѣтаніе 1-го гвардейскаго Стрѣлковаго русской Императорской гвардіи полка и его представителя, нашего друга, полковника Джуліани. Хипъ, хипъ, хипъ, ура!“ Всѣ стоя пьютъ, но не чокаются рюмками. Глубоко тронуть.

Съ разрѣшенія полковника приказываю принести шампанскаго. Хорошо, что въ карманѣ имѣются англійскіе суточные фунты. Самъ наливаю всѣмъ бокалы. Пью за здоровье Его Величества Короля Великобританіи и доблестной англійской арміи, нашей союзницы.

Вечеромъ музыка. Отлично играетъ на роялѣ отставной русскій генераль, зарабатывавшій своей игрой свой хлѣбъ насущный. Грустно и больно видѣть заслуженнаго воина, забавляю-

шаго иностранцевъ. Онъ авангардъ по крестному пути, по которому всѣмъ намъ скоро суждено будетъ итти.

Въ Екатеринодарѣ политическая обстановка быстро мѣняется съ приближеніемъ красныхъ силъ. Большевики, задержавшись на нѣкоторое время въ Ростовѣ и возмутивъ союзныя миссіи своими звѣрствами надъ бѣлыми и иностранными офицерами, двинулись впередъ и заняли Тихорѣцкую. Кубанскія войска колебались, единства дѣйствій и солидарности въ Бѣлой арміи не было. Кубанское краевое правительство хитрило и тайно проводило свою политику сепаратизма. Союзники, вѣрнѣе англичане, видѣли эту двойственную игру, но пока дѣлали видъ, что ея не замѣчаютъ, и молча выполняли предназначенія своего правительства.

Благодаря измѣнѣ, секретный шифръ Бѣлой арміи попалъ въ руки большевиковъ. Въ Екатеринодарскомъ Главтеотѣ*) новый шифръ еще не былъ извѣстенъ. Въ миссіи получается шифрованная телеграмма генерала Деникина. Англійскимъ шифромъ миссіи ее расшифровать нельзя. Пробуютъ по очереди всѣ извѣстные шифры, толку нѣтъ. Маіоръ Картеръ поручаетъ мнѣ съ депешой, срочной и несомнѣнно важной, пройти въ русскій штабъ и постараться ее обязательно расшифровать. Въ Главтеотѣ помочь мнѣ не могутъ. Иду въ отдѣленіе штаба Главнокомандующаго, гдѣ не безъ труда нахожу полковника генеральнаго штаба, специалиста изъ секретнаго отдѣла шифровъ. Смотритъ, пробуетъ разные ключи, волнуется, сердится, а толку нѣтъ. Всѣмъ хочется узнать содержаніе, несомнѣнно важное, написанное какими то условными знаками, которыхъ рас-

*) Главное телеграфное отдѣленіе.

шифровать не удастся. Наконецъ ее разобрали такъ называемой „рулеткой и бирюльками“.

Увы, депеша оказалась дѣйствительно первостепенной важности. Рѣшается вопросъ эвакуаціи. Генералъ Деникинъ проситъ англичанъ помочь своими судами. Рѣчь идетъ объ эвакуаціи изъ Одессы, Симферополя, Севастополя и Новороссійска гражданскаго населенія — женщинъ, дѣтей и мужчинъ — и военныхъ старше 45-лѣтняго возраста. Припасавъ якобы мало для арміи, а накопленіе невоеннаго элемента мѣшаетъ военнымъ операціямъ.

Острая боль сжимаетъ сердце. Снова неудача. Снова торжество на сторонѣ красныхъ. Снова правое дѣло гибнетъ.

Молча переглядываемся. У всѣхъ тѣ же мысли, тяжелыя мысли. На душѣ не легко, всѣ поняли, въ чемъ суть. Затѣмъ начинаемъ другъ друга обманывать. Эвакуація молъ необходима какъ административная мѣра, вызванная накопленіемъ бѣженцевъ. Она облегчитъ положеніе арміи и дастъ ей свободу маневрированія.

Возвращаюсь въ миссію съ веселымъ беззаботнымъ видомъ. Надо свои чувства скрыть и не выдать тайны. Въ миссіи за вами слѣдятъ бѣженцы. Дамы падки до новостей. Онѣ весьма прозорливы, весьма догадливы.

Сообщаю Картеру суть депеши. Такъ какъ она первостепенной важности, то прошу мнѣ дать въ помощь переводчика изъ англичанъ, что было принято при важныхъ переводахъ. Маіоръ Картеръ приказываетъ позвать англійскаго офицера. Картина!... не вѣрю глазамъ! Входитъ никто иной, какъ мой сосѣдъ слѣва по койкѣ — капитанъ летчикъ, едва понимающій по-русски. На отличномъ русскомъ языкѣ онъ обращается ко мнѣ съ улыбкой: — „Отъ души радъ, полковникъ, что намъ приходится вмѣстѣ

работать“. Ну и черти же вы! Здорово умѣете притворяться! Учиться намъ отъ васъ нужно! Достойны вы подражанія!

Телеграмма переведена и доложена генералу Кизу. Она отправлена великобританскому Верховному комиссару въ Константинополь. Первая ступень къ предстоящей Голгофѣ заложена.

Мнѣ приказано держать содержаніе телеграммы въ строжайшемъ секретѣ. И безъ приказанія понятно.

Въ Екатеринодарѣ какъ то все разомъ измѣнилось. Состояніе города стало тревожнымъ. По ночамъ стрѣльба, участились нападенія на одиночныхъ офицеровъ. Слухи о какихъ-то „Зеленыхъ“. Это еще что за новость? Въ Новороссійскѣ съ ними ближе познакомимся, тамъ зеленые себя показали.

Великобританская база въ Екатеринодарѣ, въ зданіи мужской гимназіи, ставитъ у входныхъ дверей парныхъ часовыхъ морской пѣхоты. Въ прихожей — караулъ съ пулеметомъ. Вокругъ зданія — дневное и ночное патрулированіе. Къ дверямъ нашей камеры съ 8 ч. вечера до 8 ч. утра ставятъ часовыхъ. Впускаютъ по пропускамъ, провѣряя личные документы. Все это указываетъ, что дѣла бѣлой арміи окончательно портятся.

Въ скоромъ времени получаю приказаніе отправиться въ Новороссійскъ, куда меня вызываетъ полковникъ Веледжъ. Прощаюсь съ новыми друзьями весьма задушевно. Хоть и короткое время съ вами прожилъ, но много съ вами пережито! Много прожито, много прочувствовано въ теченіе этихъ двадцати дней! Славные вы люди, когда ближе съ вами познакомишься. Но великій вашъ недостатокъ—ваша чрезмѣрная спѣсь, что всѣхъ не англичанъ

считаете низшими существами, до которыхъ лишь снисходите съ пьедестала своего величія. Ошибаетесь жестоко, и вы также далеко не совершенны.

Небольшой мой багажъ, послѣднюю мою собственность, англичане взяли доставить въ Новороссійскъ. Я же, надѣвъ свои два вещевыхъ мѣшка съ самымъ необходимымъ и захвативъ свой допотопный револьверъ, отправился пѣшкомъ на вокзалъ. Абсолютно темно, электрическая станція окончательно забастовала. Безконечныя лужи, безпредѣльная грязь. Начинаетъ дуть нордъ-остъ, пронизывающій васъ своимъ ледянымъ дыханіемъ до мозга костей. Непривлекателенъ Екатеринодаръ на прощаніе.

Отыскиваю почище теплушку въ безконечно длинномъ поѣздѣ, который съ разсвѣтомъ отправится въ Новороссійскъ. Примостившись въ углу, крѣпко засыпаю. Просыпаюсь отъ мѣрнаго шума колесъ. Мы давно покинули Екатеринодаръ

Въ моей теплушкѣ оказались: Поручикъ итальянской службы Бачи, членъ итальянской миссіи, съ которымъ давно подружился еще въ Таганрогѣ; два сопровождающихъ его карабинера, и при теперешней обстановкѣ не покинувшіе свои треуголки Наполеоновскихъ временъ; артиллерійскій капитанъ Королевскихъ войскъ, только что возвратившійся съ нашего фронта.

Послѣдній былъ глубоко возмущенъ быстрымъ раззаломъ войскъ. По его словамъ, Екатеринодару не продержаться и недѣли. Разложеніе въ арміи шло замѣтными шагами. Бойцы потеряли желаніе сражаться, войсковыя единицы переутомились, снабженіе почти прекратилось. Казаки себя держали совершенно самостоятельно, зачастую не исполняя приказаній начальни-

ковъ Добровольческой арміи. Капитанъ былъ сильно огорченъ, но и одновременно возмущенъ всѣмъ видѣннымъ. Уѣзжая теперь въ отпускъ въ Англію, онъ врядъ ли своими докладами могъ намъ принести пользу.

Свѣдѣнія итальянца тоже были пессимистичны. По его мнѣнію, генералу Деникину слѣдовало бы приготовить эвакуацію Новороссійска, ибо съ паденіемъ Екатеринодара ему не выдержать и десяти дней. Что касается итальянскихъ подданныхъ, которыхъ накопилось порядочно въ Новороссійскѣ, то итальянское правительство рѣшило ихъ немедленно доставить на родину. Ждутъ лишь прибытія парохода, экстренно вызваннаго изъ Константинополя для ихъ посадки.

Сопоставляя содержаніе телеграммы генерала Деникина объ эвакуаціи гражданскаго населенія со всѣмъ сейчасъ слышаннымъ, приходили на умъ грустныя и неутѣшительныя мысли. Очевидно Бѣлое дѣло катилось по наклонной плоскости. Но что случилось? Что такъ разомъ измѣнилось? Еще такъ недавно казалось, что скоро будемъ въ Москвѣ. Все шло такъ блестяще! Врагъ всюду бѣжалъ! Побѣда за побѣдой! Населеніе намъ казалось сочувствовало! Еще за двадцать пять дней до эвакуаціи Таганрога шла рѣчь о переводѣ штаба арміи и иностранныхъ миссій въ Харьковъ.

Болтая съ итальянцами, незамѣтно докатили до подъема и станціи „Тоннельная“. Здѣсь насъ ожидалъ непріятный сюрпризъ. Со вчерашняго дня по ту сторону туннеля, въ горахъ, появились сильныя отряды „Зеленыхъ“.

Зеленые были дезертирами Бѣлой и Красной армій, уклонившимися отъ сраженій и борьбы, существовавшими исключительно грабежомъ. Много темнаго элемента къ нимъ присоеди-

лось. Не мало было между ними и офицеровъ, и даже гвардейскихъ-монархистовъ, не желавшихъ по своимъ убѣжденіямъ примыкать къ бѣлымъ. Эти офицеры умѣло руководили зелеными. Ихъ шайки въ горахъ были недосыгаемы. Ихъ число все возрастало. Они наносили не мало вреда какъ бѣлымъ, такъ и краснымъ. Налеты даже на Новороссійскъ поражали своей смѣлостью и чрезвычайной жестокостью. Выдѣлялась между зелеными атаманша, поразительной красоты, соблазнявшая своими чарами не мало офицеровъ. Впослѣдствіи она оказалась большевицкой шпионкой, была уличена и разстрѣлена. Однажды, и я въ компаніи англичанъ, на которыхъ она распространяла свои чары, съ ней ужиналъ за однимъ столомъ въ ресторанѣ „Слонъ“ въ Новороссійскѣ, гдѣ за большія деньги все можно было достать. Она дѣйствительно была удивительно красива, привлекательна и элегантна. Однако до чего мы были плохо освѣдомлены и безпечны. Ужинаемъ съ однимъ изъ главныхъ руководителей зеленыхъ и этого не подозреваемъ.

Итакъ, въ Тоннельной намъ не совѣтовали ѣхать дальше безъ надежной охраны, предупреждая что желѣзнодорожный путь навѣрное поврежденъ и насъ поджидаетъ засада. Послѣдній прошедшій поѣздъ долженъ былъ вступить въ бой съ зелеными и исправить себѣ путь. Провѣривъ составъ нашего поѣзда, удостоверились, что въ немъ имѣется: двадцать вооруженныхъ офицеровъ, двѣнадцать канадскихъ стрѣлковъ и два итальянскихъ карабинера. Машинистомъ — англійскій сержантъ. Старшимъ въ поѣздѣ оказался полковникъ великобританской службы.

Рѣшивъ, что насъ вполне достаточно, чтобы отразить случайное нападеніе, посадили на

паровозъ капитана артиллериста съ 12 стрѣлками и двинулись въ путь. Проѣхали туннель и стали спускаться къ Новороссійску. Все шло благополучно и начали думать, что рассказы о зеленыхъ плодъ досужей фантазіи напуганныхъ желѣзнодорожниковъ. Но на крутомъ поворотѣ желѣзнодорожнаго полотна въ довольно густой рошѣ насъ поджидали зеленые. Своевременно мы замѣтили, что на протяженіи пяти сажень сняты рельсы. Какъ только остановились, попали подъ порядочный ружейный огонь со стороны роши. Отвѣтили дружнымъ огнемъ. Перестрѣлка длилась недолго. Зеленые, встрѣтивъ отпоръ, ушли. Ранеными оказались: легко въ ногу—карабиніеръ и тяжело въ грудь на вылетъ—канадскій стрѣлокъ. Пуля поцарапала шею великобританскаго полковника.

Исправивъ путь, въ чемъ я по старой памяти юнкера Николаевскаго инженернаго училища принималъ дѣятельное участіе, благополучно доѣхали до Новороссійска.

На вокзалѣ встрѣтилъ своего младшаго сына Михаила, быстро докатившаго меня въ автомобилѣ итальянской миссіи въ домъ, гдѣ жила моя жена. Итальянцы слово свое сдержали. Доставили жену въ Новороссійскъ и предоставили ей комнату, любезно для нея реквизированную начальникомъ итальянской морской миссіи, капитаномъ 2-го ранга Орнати. Сердечное, душевное имъ за это спасибо.

Городъ былъ уже переполненъ бѣженцами. Пріѣхалъ въ Новороссійскъ наканунѣ нашего Новаго года, послѣдняго проведеннаго въ Россіи.

А. Джуліани.

Набросано въ Новороссійскѣ.

Исправлено во Флоренціи.

15-го августа 1931 г.

Оглавленіе.

	Стр.
1) Послѣдніе дни Государевой Семьи въ Царскомъ Селѣ.—В. Н. Матвѣева . . .	3
2) Бои въ Квадратномъ лѣсу 1-2 октября 1916 г.—Н. В. Нагаева	18
3) Служба во Французской и Добровольческой арміяхъ.—Г. А. Тавастшерна . .	35
4) Двадцать дней въ семьѣ офицеровъ Великобританской арміи.—А. И. Джуліани.	81

Э. А. Верцинскаго:

1. *Усиленная развѣдка частей 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса въ долину рѣки Сидалихэ 14/15 августа 1905 г.* Изданіе 1908 года. Распродано.
2. *Современная война.* Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 1909 года. Распродано.
3. *Постановка стратегическо-тактическихъ занятій въ XVIII армейскомъ корпусѣ.* Изданіе 1911 года. Распродано.
4. *Современная война.* Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 2-е, 1912 г. Распродано.
5. *Годъ революціи.* Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. Изданіе 1929 г. Цѣна 40 амер. центовъ.
6. *Изъ Мировой войны.* Боевыя записи и воспоминанія командира полка и офицера генеральнаго штаба за 1914 — 1917 г. Изданіе 1931 г. Цѣна 1 долларъ.
7. *Памятные дни.* Сборникъ воспоминаній. Подъ редакціей Э. А. Верцинскаго. Изданіе 1932 года.

Главный складъ:

Esthonia-Eesti. Tallinn, S. Tartu m. 57, krt. 2. E. Werzinsky.

Телефонъ 305-10.

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО
ОТЪ АВТОРА — ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ
ПЛАТЯТЪ.

Выдержки изъ отзывовъ печати о книгѣ
Э. А. ВЕРЦИНСКАГО

„Изъ Мировой войны“.

1) Эстонскій военный журналъ «Sõdur», №№ 50—52, 1930 г. Таллиннъ. «...annab objektiivse pildi Maailmasõja lahingutest Vene rindel jalaväe rügemendi raamides».

2) «Возрождение», 12. I. 1931 г. Парижъ. «Книга написана хорошимъ языкомъ... и издана съ такою роскошью, которой мы, парижане, должны позавидовать».

3) «Морской Сборникъ», январь, 1931 г. Прага. «Такая система повѣствованія гарантируетъ точность и достовѣрность въ изложеніи описываемыхъ событій». «...Описанія эти... даютъ яркую и наглядную картину современнаго боя».

4) «Сегодня», 10. II. 1931 г. Рига. «Читатель найдетъ не мало интересныхъ страницъ изъ недавняго прошлаго...». «Книга издана безукоризненно».

5) «Latvijas Kareivis», 15. II. 1931 г. Рига.

6) «Militär Wochenblatt», Heft 35, 1931. Berlin. «Wie sein erstes Kriegswerk so ist auch dieses zweite ausserordentlich fesselnd geschrieben».

7) «Wissen und Wehr», Heft 4, 1931. Berlin. «Das Buch ist fesselnd geschrieben und gibt anschauliche Bilder von den Zuständen im Zarenheere».

8) «Вѣстникъ Военныхъ Знаній», № 2, мартъ, 1931. Сараево. «Въ тактическомъ отношеніи книга представляетъ большой интересъ».

9) «Часовой», № 55, 15 мая, 1931 г. Парижъ. «Можно сказать, что это вѣроятно единственная изъ появившихся въ эмиграціи книгъ, гдѣ боевая и административная работа полка во время войны такъ точно и подробно описана».

10) «Русскій Инвалидъ», 22. VI. 1931 г. Парижъ. «Съ неослабвающимъ интересомъ вчитываясь въ страницы описаній боевой дѣятельности полковъ, мѣстами сжато и сухо изложенными, ярко и живо чувствуешь сколько доблести и жертвенности было проявлено какъ частями въ цѣломъ, такъ и отдѣльными чинами этихъ частей»... «Не мало существенныхъ и жизненныхъ вопросовъ возбуждаетъ ознакомленіе съ книгой»...

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
D640
.A2
P35
1932
kn.1

Весь чистый доходъ поступаетъ въ пользу Архива
и Музея л-гв. 2-го стр. Царскосельскаго полка.